

Забывать значит предать

Эпизод 1. Август 1973 года

Эпизод 2. 12 лет. 1968 год

Эпизод 3. Школа № 63

Эпизод 4. Деревня.

Эпизод 5. Южный Берег Крыма, Мисхор-Кореиз.

Эпизод 6. Телевидение.

Эпизод 7. Болезнь матери и снятие с работы.

Эпизод 8. Экзамены в БГУ.

Эпизод 9. Поиски работы.

Эпизод 10. ЛЭЭВЖ.

Эпизод 11. Дача.

Эпизод 12. Таллин.

Эпизод 13. Мать.

Эпизод 14. Дело №.

Эпизод 15. «Опасное наследство».

Эпизод 16. Письмо Путину.

Эпизод 17. Куропаты, 1937 - 77 лет спустя

Эпизод 18. Реабилитация.

Эпизод 1. Август 1973 года

Август 1973 года. Аудитория с видом на площадь Ленина. Из окна виднеются Дом Правительства и Костел. Идут приемные экзамены на факультет биологии Минского Университета. Первый экзамен – сочинение. Тема о войне. Пишу о жизни поэта Мусы Джалиля. Записки из немецких застенков, из Моабитской тетради, переданной через товарищей на родину перед казнью. Цитирую по памяти отрывки из стихов. Один из них – щемящий душу крик погибающего в фашистской тюрьме поэта, крик о его двух маленьких дочерях.... Крик, полный любви и боли за их судьбу... Получаю «5», «отлично», высший бал.

Эпизод 2. 12 лет. 1968 год

Мне 12 лет. 1968 год. Лежу в кровати в проходной комнате на старой хрущевской квартире по улице Кедышко. У меня высокая температура. Болею. Кажется, корью. В основном сплю. Иногда просыпаюсь от шумов. Дверь открылась и я опять проснулась. Это отец пришел с работы на обед. Слышу, что он не один, а с коллегой. Они проходят на кухню и громко о чем-

то беседуют. Возможно, мне только кажется, что громко - у меня высокая температура. На меня не обращают внимания и я вновь засыпаю, размышляя сквозь сон. О том, почему у меня ТАКОЙ ОТЕЦ. У всех отцы как отцы, обычные или знаменитые. Я моего отца стесняюсь.

Дома у нас напряженная обстановка. Сестра еще маленькая, ей только 8 и она вряд ли что-то понимает. Я закончила начальную школу и перешла в 5 й класс. О начальной школе я мало что помню, помимо того, что мы учились каллиграфии и с моего пера часто капали кляксы, я пыталась их выводить, оставались пятна и классная руководительница, Антонина Ильинична Воля, снижала мне за это отметки. Антонина Ильинична хромала на одну ногу и ходила с палочкой. Она мне не слишком нравилась – она была слишком строгой. Но особенно мне не нравилось, что когда мы приходили к ней домой, а жили мы в нескольких домах друг от друга, да и школа была в 2х минутах ходьбы, - она очень грубо обходилась со своей старой матерью, не взирая на то, что в доме были ученики. Это мне особенно врезалось в память. Но вероятно у нее на это были свои причины.

В 5 м классе все было по-другому. Нас расформировали, в класс пришли новые ученики, нам дали нового классного руководителя, звали ее Людмила Савельевна Коляда, и по каждому предмету были разные преподаватели. В начальной школе я толком не понимала, нравилось ли мне учиться и что конкретно мне нравилось. Я любила спускаться в подвал, где размещался маленький школьный магазинчик. В нем продавали бумагу, перья, чернила и разные канцелярские принадлежности. В магазинчике от новой чистой бумаги исходил особый запах. Этот запах белой бумаги, на которой еще ничего не написано, и влек меня...

В начальной школе я часто оставалась в продленке – там можно было спокойно делать уроки и там кормили. Материально мы жили хорошо и намного лучше других, насколько я могла сравнить своим 12-летним сознанием... Но мне не хотелось идти домой. Дома было тяжело.

В 5 м классе продленка закончилась и уроки приходилось делать дома. Поэтому я их делала как можно скорее. Мы жили на 1 м этаже и мои уличные друзья звали меня с улицы «погулять». Я говорила матери, что все сделала и с индейским криком выбегала на улицу.

На улице у нас было множество занятий. Мы любили играть в «классики» - чертили на асфальте квадраты, нумеровали их и прыгали на одной ноге. Или играли в прятки: кто-то один закрывал глаза и считал до ста, а другие в это время прятались, потом этот кто-то открывал глаза и шел на поиски. Мы жили в массиве хрущевских домов. Все они стояли параллельно друг другу с расстоянием в 50 метров. Перед каждым подъездом был разбит палисадник с цветами и кустами, где росли флоксы, космея, ромашки, изредка деревья. Забора не было. Слева была улица Кедышко, справа – пустырь. Или играли в индейцев – наряжались кто как мог, выбирали Оцеолу, вождя семинолов, и ходили войной на белых.

Когда во двор выходили погулять только девочки, мы прыгали со скакалкой: двое держали веревку длиной метрой 5 с ручками по обеим сторонам и крутили ее, в круг по очереди входили девочки и прыгали в крутящейся веревке. Это была сложная игра – нужно было быть очень ловким.

Девичьей компанией мы любили уединяться на пустыре. Выкапывали ямки в песке, запасались стеклами, цветами и выкладывали цветочные композиции, закрывая их затем стеклом и песком. Через некоторое время

цветы засыхали и получалась картина-гербарий. Мы ставили опознавательные знаки наших «секретов», так называлась игра, расчищали руками песок и любовались нашими «произведениями искусства».

По весне на пустыре ломался лед и текли мелкие ручейки. Мы делали кораблики и пускали их по текущей воде, следя за их движением.

Во дворе были и свои хулиганы. Это была небольшая группа пацанов из неблагополучных семей, которые развлекались, привязывая консервные банки к хвостам кошек. Кошки сходили с ума от грохота и носились по пустырю, как угорелые. Мы с хулиганами не водились и спасали кошек. Однажды мы играли во дворе. Подъехала машина скорой помощи. Она остановилась возле нашего подъезда. Из машины вышли двое санитаров и вошли в наш подъезд. Я перестала играть, остановилась и смотрела. У меня уже было плохое предчувствие.

Минут через 15 санитары вышли из подъезда, ведя под руки моего отца. На нем была надета смирительная рубашка. Моя мать опять вызвала санитаров. Отца увезли в сумасшедший дом. Я вернулась к игре. Но настроения уже не было. Весь двор знал, что время от времени моего отца помещали в дурдом. Но никто ни разу из моих друзей не сказал мне ни слова. Я носила эту боль глубоко в сердце.

Эпизод 3. Школа № 63

В 5 м классе мы присматривались друг к другу. Устанавливались первые симпатии. Прямых антипатий в классе не было. Рассаживались по партам по принципу симпатии. Я села за парту с Таней Крайко, справа, рядом с гардеробом. Таня жила рядом с моим домом, я часто бывала у них дома и мы с ней сильно сдружились. Впоследствии она стала инженером по строительству мостов и тоннелей. Сзади меня села Лена Фадеева, она была сильна в математике. После школы она закончила Радиотехнический Институт по специальности АСУ и осталась там преподавать. У окна слева сидела еще одна Таня, Агейченко, она тоже была сильна в математике и после школы закончила физико-математический факультет. Сидела она с Наташей, мы с ней соревновались в беге. Перед ними сидела еще одна Таня, Галицкая, - она стала врачом. Так мы сколотили интеллектуальный костяк нашего класса, в который вошли в основном девочки, но мы взяли туда и пару мальчиков. В классе был положительный менталитет и мы всецело отдались изучению наук. Среди учеников в классе не было интереса к социальному положению родителей. Родители моих подруг были инженерами, мать еще одной девочки, как и моя, работала на телевидении. Несколько детей были из неблагополучных семей, мы об этом знали, но отношения со всеми были дружескими. Буллизма не было. Так прошло 5 лет.

Иногда мы собирались на квартире у нашего товарища по классу. Он жил напротив школы в доме, где жила моя подруга, на первом этаже. Игорь был единственным в классе, у кого был собственный бобинный магнитофон и у него мы могли слушать только что появившиеся записи «Битлз». Мне они безумно понравились. Это была совершенно другая музыка – свободная, интеллигентная, она шла из души, сердца и разума. Шел 1968 й год...

Мы слушали музыку и играли в дурацкую игру, которая называлась «бутылочка»: все садились в круг, кто-то крутил бутылку от шампанского и та пара, на которую выпало направление бутылки, должна была

уединяться в другой комнате и целоваться. Мне эта игра не нравилась и я заявила, что целоваться ни с кем не собираюсь. Все это были невинные возрастные игры.

С учителями нам повезло. Это были профессионалы, которые будили в нас интерес к познанию. Школа была с профессиональным уклоном и давала основы навыков, необходимых каждому в жизни: девочки проходили уроки кройки и шитья и кулинарии, мальчики знакомились с основами слесарного, столярного и электрического дела. Часто мы, девочки, перенимали «опыт» у мальчиков, познавая азы их уроков или приглашали их на обед, приготовленный нашими руками. Физическое обучение было поставлено в школе на высоком уровне. У нас было два преподавателя физкультуры и оба были еврейского происхождения: Лев Семенович Шейнкман и Марк Абрамович Перлин. Именно они привили нам любовь к спорту, который сопровождал всю мою жизнь и моих одноклассников, думаю, также. В классе тут же выделились лидеры в легкой атлетике – это были мои подруги Лена, Наташа и я. Мы были стайерами. Бегали также в лыжных гонках за городом. И как приятно было получить чашку горячего кофе из рук наших физвоспитателей после лыжной гонки! Они же водили нас в бассейн и привили, по всяком случае, мне, любовь к плаванию на всю жизнь.

Преподавательский состав в классе был в основном женский. Был еще один мужчина, учитель пения. Его звали Валерий Иванович. Он приходил на уроки с баяном и внешним видом чем-то напоминал Элвиса Пресли. Вскорости наш девичий коллектив объединился вокруг него. Мы собирались в столовой, где стояло также пианино и «отрабатывали» русские романсы.

В этом же помещении столовой иногда устраивали школьные вечера. В зале звучала медленная музыка, в основном, вальсы и танго, иногда ставили что-то быстрое в стиле твиста, но музыка в стиле «Битлз» официально не приветствовалась. Девочки выстраивались вдоль одной стены, мальчики – вдоль другой. С первыми звуками музыки мальчики медленно двигались через весь зал в сторону девочек и выбирали, кого пригласить на танец. Я не любила эти вечера, не любила стоять вдоль стены и ждать, когда тебя выберут и не ходила на них.

Почти у всех девочек в классе за плечами было 7 летнее музыкальное образование, с 7 до 14 лет. Я посещала музыкальную школу во Дворце Профсоюзов. Это было старое здание в стиле барокко, с множеством огромных залов, окрашенных в нежные пастельные тона голубого и розового цвета, с потолками высотой около 5 метров и орнаментальной лепкой. Уроки музыки стоили немного, 7 рублей в месяц и практически каждый мог позволить платить такую сумму за обучение.

Мне не особо нравилось учиться играть на фортепьяно, возможно, мне не повезло в учителем, возможно, виной была моя домашняя ситуация – я чувствовала себя «обледеневшей» и замкнутой внутри домашних проблем и чтобы вышла наружу моя истинная натура должно было пройти много времени.

В музыкальной школе мы изучали сольфеджио и мне это нравилось – учили ноты, писали нотные диктанты на слух, то есть должны были угадывать ноты по слуху. Это у меня хорошо получалось. Нас учили различать разные инструменты в оркестре. На уроках музыкальной литературы мы изучали жизнь великих композиторов и их произведения. Это было познавательно. У меня был хороший музыкальный слух, но слабый голос, я всегда это знала. В

музыкальной школе был хор, в котором я пела в течение 5 ти лет. Хор был составлен из детей, которые изучали музыку, поэтому петь с ними было легко. Если кто-то ошибался, учитель говорил на какой ноте ошибка и все становилось на свое место. Ноты имели свои названия, их длительность - свое время держания, такт отбивался правой рукой: 3/4х – вниз – направо – вверх, раз, два, три... раз, два, три... В хоре было 4 голоса – сопрано, 2 е сопрано, теноры и басы. Я пела сопрано.

По окончанию школы у каждого из нас определилось направление профессии: мои подруги были лидерами в области математики, я была одной из лучших в школе в области языка и литературы, что вероятно не было странным: моя мать была журналистом, главным редактором Редакции для Детей и Юношества на ГосТелеРадиовещании БССР.

После окончания 8 ми классов мать перевела меня в школу № 20 с усиленным изучением французского языка. Школа была для детей VIP и, действительно, в моем классе дети ходили с «задранными» носами. Я безусловно тоже была ребенком VIP. Но дома у нас была тяжелая обстановка. Вряд ли бы «бриллиантовые» дети смогли бы понять, что означает жить с отцом, опущенным до самых низов, даже если мать была VIPом.

Мать отдыхала на юге, когда я воспользовавшись ее отсутствием, забрала документы и вернулась в обычную школу к моим товарищам.

В последних классах нашим преподавателем по литературе была Татьяна Григорьевна Сокол, тоже была еврейского происхождения. Она не жалела своего времени для нас, это была знающая, тонкая, интеллигентная личность! Мы часто бывали у нее дома, она организовала литературный кружок и наш девичий костяк с удовольствием посещал его после занятий. Татьяна Григорьевна была из тех мягких, но жестких, знающих свое дело учителей, которые будят интерес и вселяют искру желания познания в своих учеников. Мы были теми «белыми листками» бумаги, которые продавали в школьном подвале и на которых она чертила первые символы великого, доброго, вечного.

С математикой у меня были если не натянутые, то холодные отношения. Мне удавались все алгебраические абракадабры, но сухость этой науки меня «не грела». Впрочем, я всегда осознавала необходимость расчетов в жизни и прилежно выполняла формулы. Данные моего университетского диплома, рассчитанные с помощью языка Фортран, выполненные при любезном сотрудничестве моей школьной подруги Лены, были явным новшеством для того времени.

Химия была чем-то эфирным, непознаваемым, летучим... Вероятно, потому что она и для меня ассоциировалась с молоденькой преподавательницей Татьяной Ивановной. Хрупкая, миловидная, ей было около 25 лет и наши мальчики, которым химия была менее интересна, чем ее ножки, постоянно строили ей глазки и мелкие пакости с «Камчатки», чем вводили ее в краску. В классе почему-то не любили учительницу географии и мальчики даже ходили бить ей окна.

Физика была чем-то сродни математике, учительница почувала это мое к ней отношение и давала мне больше заданий.

В 9 й классе мы начали изучать астрономию. Ее вела учитель математики, тоже еврейского происхождения. Она была сильно удивлена моим вдруг проснувшимся интересом к астрономии. Астрономия меня поразила. Мне

вдруг открылся неведомый доселе мир звезд, парсеков, созвездий и туманностей... Учебник был тощим и я просиживала в библиотеке за изучением созвездий, названий и характеристик звезд, открывая для себя бескрайний мир космоса...

Эпизод 4. Деревня.

1-2 месяца в летний период мы с сестрой проводили в деревне у родителей отца и 1 месяц на Черном море. Нас сажали на автобус и мы отправлялись в долгий путь. Езды было часов 8. Деревня находилась в 400 км от Минска в Брестской области. Это была другая климатическая зона и часто, приезжая в деревню из холодно дождливого Минска, мы умирали от жары. Родители отца жили на хуторе метрах в 300 от деревни. Подъезжая к деревне и завидя аллею высоких грабов, у меня же учащенно билось сердце... Я любила деревню, ее медленный и простой быт и моих деда и бабулю. Жизнь в деревне была вольной, но трудной. Еще в маленьком возрасте старики приучили меня ко всякой деревенской работе и я с радостью помогала им: гребла сено, пасла коров, даже научилась доить корову, пилила дрова, жала серпом, пыталась косить траву косой, но дед категорически запрещал мне брать ее в руки. По приезду первым делом я занималась чисткой дома – мыла полы, посуду – летний сезон был открыт. Затем начиналась 2х месячная деревенская жизнь: мы с сестрой пасли коров, ходили в лес за грибами, ягодами. Иногда посылали родителям плачевное письмо с просьбой выслать конфет – в деревенском магазине с конфетами было туго. Посылка, набитая сладостями, приходила быстро, мы шли на почту за посылкой и растягивали сладости до конца наших каникул.

Единственным развлечением в деревне был приезд КИНО. Кино приезжало раз в неделю. У нас была куча местных друзей и мы собирались в местном клубе для просмотра очередного фильма. После фильма шли домой, под звездным небом, считая падающие звезды и обсуждая фильм.

В деревне все говорили на местном диалекте, который представлял собой некую смесь белорусского, польского и украинского языков. Через пару дней после приезда я пристраивалась к их языку и переходила на их диалект. Когда я немного подросла, то открыла для себя деревенскую библиотеку. Для маленькой деревни в 2-3 тысячи жителей библиотека была отлично снабжена. Там я перечитала лучших авторов европейской классики 17-20 х веков.

Родители моего отца были родом из зажиточных крестьян. Для нас лето было отдыхом, а для них это был тяжелый труд и периодом заготовок к зимнему сезону. Нужно было обеспечить сеном корову, подготовить сухое мясо на зиму, вырастить зерно и обработать его. У стариков было много земли, на которой они выращивали зерновые, овощи, был большой фруктовый сад. По воскресеньям мы с бабушкой ходили в церковь. Это был мой первый опыт посещения церкви. В церкви стоял странный запах, пахло ладаном, но мне это нравилось и нравилась тихая умиротворенная атмосфера в церкви. В доме у стариков висело несколько икон с длинными вышитыми рушниками, спускавшимися по краям. Рядом с иконой они обычно ставили наши новые присланные фотографии. Не могу сказать, что старики были очень набожны. Мой дед прошел 1 ю мировую войну и даже был контужен. До 1939 года они жили «под Польшей» и считались

«средняками»: у них была лошадь, корова, овцы, а в деревне при польской власти было несколько заводиков по переработке колбас и масла. После 1939 года территория отошла советской власти, лошадь забрали, овец извели... Чтобы получить лошадь для перевозки сена и надел земли для кошения сена, дед много раз ходил в управление колхоза, пока ему наконец давали лошадь. Поэтому он не любил советскую власть. Моя бабушка была полной, очень доброй женщиной с голубыми глазами, абсолютно неграмотной. О происхождении моего деда Никиты я долго гадала – он единственный в семье имел черные глаза, смуглую кожу и был очень горяч. Говорили, что в юности он даже воровал лошадей. Он любил лошадей. Мне нравилось проводить каникулы в деревне. Это была простая и вольная жизнь на природе. Но каникулы заканчивались, мы уезжали из деревни и каждый раз я отрывала кусок сердца. Старики любили меня и я это чувствовала: они растили меня первые 4 года моей жизни.

Эпизод 5. Южный Берег Крыма, Мисхор-Кореиз.

Мы возвращались в Минск и уезжали на Южный Берег Крыма. Ехали обычно поездом: так было дешевле. Мать ежегодно останавливалась в санатории «Беларусь» в поселке Мисхор от 4 го Лечащего Управления. Она занимала должность главного редактора программ для Детей и Юношества на Телевидении БССР и была VIPом, хотя в те времена этим термином не пользовались. Нас с сестрой она поселяла в небольшой квартирке рядом с санаторием. Первые годы мы ездили с отцом и останавливались в палатке. Потом отцу взяли дачный участок и он больше с нами не ездил. Мы ночевали на квартире, а питались в санатории и пользовались его пляжем, как и другие дети высокопоставленных лиц. Собирались большой ватагой и играли или плавали вместе – это были дети известных минских адвокатов, юристов, актеров и писателей. Рядом с пляжем санатория «Беларусь» находился пляж ВТО, Всесоюзного Театрального Общества, и мы иногда ходили туда учиться играть в бильярд. В санатории часто организовывали всевозможные поездки для отдыхающих и мы посетили все достопримечательности ЮБК – Воронцовский Дворец в Алушке, принадлежавший графу Воронцову, Никитский Ботанический Сад, город Ялту, Судакскую Крепость 14 го века, построенную генуэзцами на скале, представляющей собой древний коралловый риф, поднимались на гору Ай-Петри, которая закрывала поселок от облаков, создавая таким образом своеобразный микроклимат. По вечерам мы играли на территории санаторского парка в пинг-понг, кегли или смотрели на танцующих взрослых... Это было чудесное время и счастливые детство и юность. Затем мы разъезжались и несмотря на то, что все дети проживали в Минске, виделись мы на следующий год только в Мисхоре. При внешней общительности я становилась все более нелюдимой. Надо мной висела проблема отца и не могла решить ее.

1 сентября мы шли в школу.

Я с удовольствием готовилась к первой линейке – стирала и гладила белые воротнички, пришивала их на школьную форму (она у всех девочек была одинакового коричневого цвета), покупала гладиолусы и шла в школу. Я любила моих классных приятелей и наш класс. Но редко кто из них бывал у нас дома.

Начался переходный возраст.

Часто я стояла перед зеркалом и корчила рожи. Я не нравилась себе.

Начались менструации. Никто не объяснил мне, что это такое и как себя следует вести. Пришлось и тут заниматься самоподготовкой.

Отец все больше замыкался в себе и опускался. Он перестал следить за одеждой. Одевался только в старые вещи. Он стал спокойным и его перестали забирать в дурдом. Ему как бы стало все безразлично.

Однажды я узнала, что его поставили на учет в психиатрическую больницу.

С диагнозом – шизофрения. Отцу было 42. «Заботливые» психиатры изредка назначали ему встречу для проведения контроля, но он на них не ходил, а прописанные ему таблетки выбрасывал.

Мать и тут ничего мне не объяснила, что это за болезнь «шизофрения». Мне было 14. Я начала читать литературу по этой тематике и открыла для себя, что эта болезнь может быть наследственной. Вероятно, это и определило мое дальнейшее

отношение к мужскому полу. А также и тот факт, что будучи дочерью «официального умалишенного», моя судьба могла быть только предрешена.

Для 14 лет это был твердый орешек для раскусывания. Не знаю, задумывалась ли когда-либо моя мать, какая судьба была уготовлена ее дочерям после оформления официального медицинского заключения на ее мужа. Никогда ни словом она не обмолвилась со мной об этом.

На тот период времени отцу уже оформили «белый билет», что означало, что он, историк, с диплом лучшего в России Университета им. Ломоносова, мог занимать только самую низко оплачиваемую должность.

Действительно, в течение всего своего трудового стажа отец получал постоянную минимальную зарплату в 70 рублей – чтобы не умереть с голода – и работал слесарем на Часовом заводе.

Эпизод 6. Телевидение.

Жизнь моей матери была прямой противоположностью жизни отца. Она руководила большой редакцией, часто выходила в прямой эфир, у нее были друзья-приятели во всех театрах города, газетах, в среде юристов, писателей, актеров, скульпторов, художников. Она прекрасно одевалась, у нее был свой студийный парикмахер. Мать отлично зарабатывала. С гонорарами ее зарплата доходила до 500 рублей. Это было в 7 раз больше зарплаты отца.

В те годы она создала и вела совместно с бывшим фехтовальщиком Игорем Смушкевичем спортивную программу «Мы вызываем спортландию».

Программа пользовалась в Беларуси огромным успехом среди школьников.

Это была игра двух команд, которые соревновались в ловкости и скорости выполнения разных спортивных упражнений. Программа транслировалась в прямом эфире и всегда был конкурс команд из разных школ и разных областей Беларуси для участия.

Программам для детей на телевидении уделялось большое внимание – это была государственная стратегия. Одна из подруг матери, журналист Татьяна Петрова, вызывала у меня особое уважение. Петрова занималась тематиками для трудных детей и, действительно, благодарные трудные дети, возвращенные к нормальной жизни, были всегда вокруг нее.

Однако климат на телевидении был сложный – зависть, интриги, обговоры, подставки. Мать была остра на язык и часто дома ее оппонентам словесно доставалось. Отношения между моей матерью и режиссером Пинигиной

были нетерпимыми. Я часто бывала в редакции у матери, всех знала и меня все знали. После окончания школы мне предлагали работать диктором, но я отказалась именно из-за этого климата.

Эпизод 7. Болезнь матери и снятие с работы.

Зимой 1970 года мы получили новую трехкомнатную квартиру по улице Гамарника, переехав на окраину Минска. Мы приходили смотреть квартиру перед вселением: запах свежей краски, пустые комнаты... Квартира была побольше хрущевской. Дом был кирпичным и был построен для сотрудников телевидения. Действительно, все наши соседи были сотрудниками телевидения. Мать с отцом каждый взяли себе по отдельной комнате, а мы с сестрой устроились вдвоем в 12 м². Из окна 4 го этажа открывался широкий вид на заснеженный пустырь. Вид был бесконечным и напоминал «Белое безволвие» Джека Лондона. За пустырем виднелся лес, за которым находилась деревня Цнянка. До дачи было всего 25 км по Московскому шоссе.

Я заканчивала 9 й класс, когда мать сняли с должности. Ей было 48. Ее же редакция наката на нее «телегу» и ее сняли. На ее место поставили жену работника ЦК.

Мать переживала и сильно осунулась. Потом она заболела. У нее были проблемы с желчным пузырем. Она лежала на своей новой арабской кровати, постаревшая и похудевшая. Рядом в соседней комнате был совершенно убитый психологически отец. В третьей - 12 летняя сестра. Мне было 16. Мать перевели на должность начальника отдела статистики на Радио. Теперь она работала недалеко от моего бывшего детского сада. Ее зарплата сократилась до 170 и мы сразу почувствовали это. В доме не хватало денег. Отец на всем экономил, он не мог поддерживать семью, получая минимальную зарплату.

В 1973 году я закончила школу и встал вопрос выбора – чем заниматься. Дорога в журналистику была открыта – мать знала весь город. Однако она не советовал выбирать этот путь, считая, что журналистика это не профессия. Мне нравилось моделирование, но нужно было уезжать из города. Сестра была еще маленькая и мне было очень жаль оставлять мать. Как-то она готовила передачу о только вернувшемся из экспедиции в Антарктиду молодом биологе-водолазе. Передача была про Антарктиду. Это было время экспедиций Кусто, время изучения морей и начала экологических исследований. Так я выбрала экологию.

Эпизод 8. Экзамены в БГУ.

Итак, жизненный путь выбран – биология!

Начавшиеся жизненные трудности воскресили школьные уроки кройки и шитья – я начала шить, чтобы сэкономить на одежде. Мое выпускное платье было сшито из нежно-голубого гипюра на маминой машинке «Веритас». Всю ночь мы гуляли со школьными друзьями по городу, а потом встречали зарю... Советовались, куда пойти учиться. Все были удивлены моим выбором биологии, ничто не предвещало такого выбора, все были уверены, что я выберу журналистику.

Август – пора экзаменов. На дневное отделение биофака 20 человек на место. Но я уже знала, что не могла идти на дневное отделение. Я должна была идти работать, чтобы помогать матери и сестре и потому что никто не смог бы содержать меня в течение 5 ти лет учебы.

У матери была закадычная подруга, звали ее Изабелла Сергеевна, или просто тетя Белла. Она преподавала немецкий язык в университете. Познакомилась мать с тетей Белой в одной из поездок за границу, в ГДР. Думаю, тете Белле не стоило труда забросить за меня слово экзаменационной комиссии. Я старалась делать все сама, чтобы ни от кого не зависеть, но чувствовала, что меня «оберегали». На экзаменах в списках поступавших, лежавших перед экзаменаторами, я заметила черные точки перед некоторыми фамилиями. Перед моей тоже стояла черная точка. На экзамене по математике я не решила некоторые уравнения, но экзаменатор ставил мне «4». Надо же было быть такой упрямой в 17 лет, чтобы заявить экзаменатору, что я на «4» не знаю, поскольку не решила все уравнения, и значит мне надо ставить «3», удовлетворительно. Он конечно странно на меня посмотрел и поставил запрошенную мною оценку. Итак, все экзамены сданы: сочинение, математика, химия и биология, плюс мой высокий средний школьный бал, - не хватает 0,5 проходного бала, чтобы поступить на дневное отделение. Но это было то, что нужно. Я пишу заявление на вечернее отделение. Начинаю искать работу.

Эпизод 9. Поиски работы.

Я ожидала место в лаборатории Экологии БГУ. Но места все не было и я устроилась лаборантом в Институт Переливания Крови. Он находился за городом в поселке Новинки и приходилось добираться на работу с другого конца города с пересадкой. По иронии судьбы напротив Института находился как раз тот самый дурдом, куда упрятывали моего отца, пока его не усмирили.

Персонал в НИИ был доброжелательный, в основном, это были врачи. Моим первым шефом была химик по образованию, звали ее Ирина. Мы занимались изучением препаратов, которые могли бы продлить консервацию крови. Тема была актуальной, но меня влекла экология. Часто из окна я смотрела на высокую бетонную стену сумасшедшего дома и думала, что же там делали с моим отцом. Про дурдом ходили анекдоты, что там держали людей, считавших себя Наполеонами, Принцами и Королями... Но туда иногда отвозили и моего отца, который имел высшее историческое образование, но вынужден был всю жизнь проработать простым рабочим на Часовом заводе... Я часто думала об этой несправедливости и душа моя леденела, видя страдания отца, который не смог защитить ни самого себя, ни свою жену, ни детей. Вся жизнь человека, его образование, ум были сведены к нулю. Его полностью раздавили психологически.

Места в лаборатории Экологии все не было и мне предложили место препаратора на кафедре микробиологии БГУ в лаборатории Фомичева Юрия Константиновича. Я согласилась перейти в университет, потому что ждала место на кафедре Экологии. Мне отвели комнату в получердачном помещении на 7 м этаже. В мои обязанности входило мыть химическую посуду и стерилизовать ее в автоклаве. Однако после принятия на работу мне вменили в обязанность также мыть полы, что изначально не было оговорено. В то время как студенты дневного отделения занимались практической работой, я шныряла между их столами с мокрой тряпкой и мыла полы. Это было унижительно. Но ежемесячно я приносила домой и отдавала матери 60 рублей. После работы я шла на лекции, заканчивались

они в 22 часа вечера, после чего ночной трамвай еще около часа вез меня домой и часто в нем я и засыпала.

Места в лаборатории Экологии все не было. В летний сезон университет организовывал практику на озере Нарочь, которая длилась 2 недели. На озере базировалась **Гидробиологическая станция**. Я сразу перезнакомилась с ее сотрудниками и напросилась на волонтерскую работу на период моего отпуска. Меня взяли, я была «на подхвате», а заодно начала осваивать гидробиологические методики: определение БПК, ХПК, рН, O₂... Меня включили в список женского состава по приготовлению пищи для научного персонала. На этот период приходятся смешные истории по приобретению опыта по приготовлению пищи на большое количество людей, когда трудно угадать точное количество ингредиентов, часто пища получалась малосъедобной и надо мной подшучивали.

Так прошло 2 года. Мне уже было 19.

Однажды мне сказали, что ищут лаборанта в Институт Зоологии АН БССР. Я позвонила и мне назначили собеседование.

Эпизод 10. ЛЭЭВЖ.

15 сентября 1975 года я шла на собеседование в Институт Зоологии... Стояла теплая солнечная осень. Рано утром в понедельник я вышла из трамвая и еще минут 15 шла по улице мимо общежития Политехнического института, мимо кинотеатра «Октябрь», пересекла Ленинский проспект и шагала по Типографской улице, оставив слева здание Президиума Академии Наук и справа блок Первой Клинической больницы. Сквозь начавшие уже желтеть деревья пробивалось ласковое солнце, играя в глазах загоревших прохожих, спешивших на работу. Я шла неспеша, времени до встречи у меня было достаточно, да и танкетки высотой 15 см требовали осторожного шага. Черная чуть выше колен юбка, светлая рубашка в мужском стиле, выгоревшие после моря волосы, ложившиеся до плеч, - люк был скромный, однако не скрывал загара и фигуры. В голове крутились разные мысли в преддверии вступления в новый коллектив и встречи с новыми людьми. Я шла на собеседование в Институт Зоологии Академии Наук города Минска.

Приняла меня высокая полноватая очень красивая женщина, с глубокими синими глазами и длинной косой, уложенной на голове. Мне было 19, я бредила экологией, экспедициями Кусто и наукой. Ей было лет 45 и она была вдохновлена тем же. На следующий день я вышла на работу. Так я попала в **Лабораторию Экологии Водных Животных Академии Наук Белоруссии**. И осталась там на 22 года.

Лаборатория была создана в 1971 году после переезда из Севастольского Института Южных Морей **Леонида Михайловича Суцени**, видного специалиста по планктонным ракообразным, который возглавил Институт Зоологии и Паразитологии Академии Наук Белоруссии, а его супруга **Нина Николаевна Хмелева**, специалист по бентосным водным беспозвоночным, возглавила Лабораторию Экологии Водных Животных. Сотрудники лаборатории были в среднем лет на 8 старше меня. Я попала в сплоченный доброжелательный научный коллектив, в котором царил научный энтузиазм, требовательность и профессионализм. Здесь было чему поучиться. Работа большей части научного персонала находилась на стадии постановки экспериментов, обработки и написания диссертаций. Написание

диссертаций по биологической тематике связано как с лабораторными, так и полевыми исследованиями. В лаборатории часто ставились круглосуточные эксперименты, которые обслуживались нами в 3 смены. Тематики лаборатории не ограничивались систематикой и фаунистическими описаниями и были направлены на выяснение эколого-энергетических закономерностей функционирования популяций и биоценозов различных групп водных животных. Полевые исследования проводились на водоемах как Беларуси, так и на территории всех бывших советских республик.

За время существования лаборатории были проведены длительные экспедиции по изучению биологии водных беспозвоночных на водоемах Беларуси, Крайнего Севера, Средней Азии, Полуострова Таймыр, полуострова Камчатка, озера Байкал, на Каунасском водохранилище. В течение более 15 лет с 1980 по 1996 годы лаборатория работала на полевой базе, расположенной на водоеме-охладителе **Березовской**

Гидроэлектростанции, занимаясь изучением биологии и экологии креветок, мшанок, моллюсков и других доминирующих видов водных животных. Лаборатория вырастила 15 кандидатов и докторов наук.

Гидробиологическая школа в Минске сформировалась в непростой период гонения на генетику и была ознаменована яркими личностями научного и человеческого масштаба. Среди таких крупных ученых следует назвать **Георгия Георгиевича Винберга**, крупного гидробиолога, основателя энергетического подхода в изучении экосистем животных. Научная судьба у Г.Г. была сложной. Он пережил несколько жизненных катастроф, среди которых были сталинские репрессии, арест и морганизм. С 1946 года в течение 20 лет Г.Г. руководил кафедрой экологии на Биологическом факультете в Минске. Затем переехал в Ленинград и работал в Зоологическом Институте. Мне удалось лично познакомиться с Г.Г. Винбергом, который вручал мне в 1980 году в числе других молодых ученых награду за лучшую научную работу.

Хмелева Нина Николаевна была одной из первых ученых в СССР, кто впервые начал использовать **метод радиоизотопов для определения первичной продукции водоемов**. Она была ученицей **Профессора Жадина**, а также известного генетика и основателя радиационной биологии **Тимофеева-Ресовского**, потомка рода **Рюриков** и **адмирала Нахимова**, интереснейшей личности с трудной научной судьбой. С 1925 по 1945 годы Тимофеев-Ресовский проработал в лаборатории в Берлине, а по возвращению на родину был отправлен в ссылку **в лагеря Казахстана** как невозвращенец. Отсидел в Бутырской тюрьме вместе с **Солженициным**, которому читал лекции по биофизике.

В 1957-1958 гг. Хмелева Н.Н. добровольно приняла участие в работах по изучению биологических последствий **радиоактивной аварии на Южном Урале (Миасский след) в лаборатории Тимофеева-Ресовского**. Тогда подобный шаг означал не только невозможность публикации результатов исследований в открытой печати и существенные ограничения в контактах с зарубежными коллегами, но и значительный риск, поскольку влияние радиации на человеческий организм было практически неизученным. Опыт исследований Н.Н. Хмелевой в этом направлении вновь стал актуальным после **аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г.**, когда она много сил отдала координации работ по оценке воздействия радиоактивного загрязнения на

бентосные сообщества водоемов зоны Чернобыльской Атомной Электростанции, проводимых в Институте Зоологии НАН Беларуси. В 2007 году Институт Зоологии Академии Наук Беларуси был переименован в **Национально-Практический Центр Национальной Академии по изучению Биоресурсов Беларуси**.

Но чтобы пройти мой путь в науке от лаборанта до кандидата биологических наук понадобилось почти 25 лет и это были самые счастливые годы моей жизни... А пока....

Итак, меня приняли в интеллектуальный, здоровый научный коллектив. Я работала, по вечерам занималась на вечернем отделении, помогала матери и сестре. Подрастала и сестра. Ей исполнилось 15 и она вошла в переходный возраст.

Безусловно, и на ней отразилась наша домашняя психологическая обстановка, но сестра отреагировала на это эгоистично. Когда ей исполнилось 18, она вышла замуж и со словами «скорее из этого дома, пока хоть кто-то берет», покинула наш дом.

Работа в Институте была как глоток свежего воздуха, воздуха свободы. Но было такое ощущение, что меня «проверяли». Мне продлевали контракт ежемесячно и только на 1 месяц и так в течение полугода. Годами позже один из моих коллег поведал мне, что с моим приходом последовал «плохой» звонок, могу только догадываться, откуда. Кому могла навредить 19 летняя девушка?

Академия Наук была системой рациональной и оптимистичной интеллигенции. При разных институтах было много различных секций и я тут же занялась спортом. 3 года мы ходили на байдарках по рекам Беларуси, а позже на резиновых военных лодках по более сложным горным рекам. Байдарки я совмещала с парусным спортом. На Минском водохранилище, в 15 минут езды на электричке, находилась республиканская база Парусного спорта. Я записалась туда, прошла курсы арбитров и стала судьей по парусному спорту для детей. Но у меня была еще одна идея. В те годы женского парусного спорта не существовало и я хотела добиться, чтобы мне дали мою собственную старую маленькую яхточку, починить, покрасить ее ходить самой по озеру. Эта идея так и не осуществилась, но у нас был чудесный дружный судейский коллектив.

Затем я вступила в секцию альпинизма и ходила в горы в течение 4 х лет, дойдя до 2 й спортивной категории и взойдя на гору высотой 3 800 м.

На 3 м курсе обучения в университете руководство лаборатории позволило мне посещать дневную форму обучения по специализации «Гидробиология». В Институте у меня установились стабильные деловые отношения со всеми лабораториями. Я завела много друзей. В 1979 я закончила Университет, защитила диплом и меня перевели на должность старшего лаборанта, а затем на должность младшего научного сотрудника. Я очень любила мою работу, ценила и уважала легкий, всегда немного юмористичный, но серьезный в научном отношении климат лаборатории.

В научной среде практически не было негативных людей. Мы работали по государственным тематикам, для Красной Книги Беларуси, по международной Биосферной Программе. Летний сезон проходил в экспедициях, а в осенне-зимний сезон мы участвовали в конференциях с докладами и тоже часто бывали в разъездах.

Время шло. В 1983 году мне дали тему для подготовки кандидатской диссертации, я поступила в заочную 5-летнюю аспирантуру и все летнее время проводила на лабораторной базе лаборатории в 40 км от деревни родителей отца.

Научный контингент лаборатории был старше меня на 8-10 лет, у всех были семьи и дети. Я была одна и продолжала оставаться одна, будучи высокой стройной девушкой с голубыми глазами и каштановыми волосами. На вопросы о знакомстве я обычно отвечала, как меня зовут и добавляла, что по документам мой отец шизофреник. Кандидаты сразу отпадали. Не нашлось ни одного человека, кто бы осмелился связать со мной жизнь.

Отец никогда не обращался к врачам и не принимал никаких таблеток. Вероятно, эту охоту ему «отбили» во время его пребывания в сумасшедшем доме. Долгие годы я задавала себе вопрос, что же там с ним делали...

В 1995 году, ему было уже 67, он вдруг сильно сдал, стал жаловаться на слабость и мы уговорили его сдать анализы: гемоглобин был 30 при норме 140. Ни одна больница не хотела его брать. Время было постперестроечное и тяжелое. Это было началом того времени, когда все и вся начало продаваться. Я договорилась с одной моей приятельницей устроить отца в больницу в Боровляны. В кабинете сидел глубоко уверенный в себе вершитель судеб, врач, зав. отделением урологии. Перед столом сидели мы, две сестры, и просили устроить нашего отца в стационар. «Вершитель судеб» сказал, что с таким гемоглобином он не может взять нашего отца в больницу, но учитывая, что я кандидат наук и моя сестра работает на телевидении, он возьмет отца, но это будет стоить 100 долларов. Мы дали ему деньги. Отец ждал нас в вестибюле на инвалидном кресле.

Отец пролежал в больнице месяц. Ему подняли гемоглобин, но диагностировали рак почки и предложили удалить ее. Отец не зря не доверял врачам. От операции он тут же отказался. В палате вместе с ним лежало еще 6 человек. Всех их в течение месяца прооперировали и удалили почку. Все 6 в течение месяца умерли.

Годом позже я подрабатывала на выставке во Дворце Спорта – время было суровое, науке срезали финансирование. Ко мне подошел один из врачей, который лечил отца. Он спросил, как отец себя чувствует. Я сказала, что нормально. Врач сказал, что по его мнению у отца не было рака почки. Это была киста. Отец прожил еще 12 лет.

В 2009 году мне с семьей пришлось побывать в посольстве Беларуси в Берне. Ожидая посольского служащего, я рассматривала иллюстрированный коммерческий журнал на немецком языке. На одной из страниц, посвященной медицине, врач делился опытом успеха в области трансплантации органов. Это был тот самый врач, зав. отделением урологии, который предлагал отцу операцию по удалению почки.

Эпизод 11. Дача.

Мне было 12, когда мать получила на телевидении дачный участок – 0,06 га – столько в те годы выдавали под дачу. У многих знакомых матери, которые получили дачные участки раньше этого периода, земли было в 2 раза больше – 0,12 га. Но потом площадь участков срезали до 0,06 га. Мы получили участок в Смолевичском районе в 25 км от города. В этой зоне уже были дачи Театра Оперы и Балета, дачи Ветеранов и завода Термопласт.

Телевидению выдали две полосы по приблизительно 10 участков справа и слева от дороги. Участки с правой стороны упирались в мелкий водоем, который потом углубили и расширили, сформировав маленькое озеро. Наш участок выходил прямо на озеро. Соседями по участку были полковник Шевчук, супруга которого работала на телевидении, справа участок соседствовал с участком поэта Романа Тармолы, за ним шли дачи сотрудников ТВ – Лизы Перегуд, оператора Пронько, режиссеров Татищевой и Пинигиной.

Отец был очень воодушевлен строительством дачного домика, который возвели в первый же год. Нормативы тех лет не позволяли иметь домик для зимнего пользования, так что когда отец своими руками соорудил в домике печь, кто-то из местных «доброжелателей» доложил «кому надо», пришли чиновники и приказали печь разрушить. Разрушили. Потом вновь возвели ее в 1986 году.

Домик был деревянный, строить из кирпича тоже запрещалось. Я тоже была сильно воодушевлена строительством домика, но больше всего мне нравилось разбивать участок на зеленые зоны и воображать, что и где можно посадить. 12 летняя девочка начертила план разбивки участка под сад и зеленые насаждения, включая бассейн. Бассейн 1,5 метровой глубины, вокруг которого я насадила цветы, просуществовал первое лето, однако он не выдержал зимних холодов, проломился и был превращен в зеленую площадку под шашлык. Отец развел пчел, насадил плодовые деревья, кустарники, тени стало много и цветы не росли, выживали только кусты гортензии. Так он «возвращался» к природе, среди которой вырос в деревне. Дача стала его вотчиной и мы туда не вмешивались. По весне мы с матерью приезжали на дачу «открывать сезон»: все мылось и приводилось в порядок. Выходные дни на даче напоминали рассказы Ивана Бунина: чистый воздух, в 3 км была деревня, где мы покупали свежее молоко, в лесу собирали грибы и ягоды, жгли на большой поляне костры. Спать ложились поздно, под пение лягушек в озере, а вставали под пение птиц в саду... Отец «отходил» на дачной природе.

Я много читала, буквально «глотаю» книги, то в деревне у отца, то в библиотеках, то дома у тети Беллы, у которой была отличная библиотека. Казалось, что я «начиняла» себя информацией, пытаюсь понять эту жизнь, которая сделала из моего доброго и веселого отца загнанного в клетку волка, понять, что же такое он сделал, чтобы вот так раздавить его, как никчемную амебу.

Наш дом был полон контрастов: хорошо одевающаяся энергичная женщина, журналист ГосТелеРадио моя мать и мрачный плохо одетый угрюмый слесарь, с университетским дипломом лучшего в СССР московского университета, мой отец.

Не могу сказать, что моя мать ненавидела моего отца. Скорее всего, она его презирала. Отец жил и питался в своей комнате, мать в своей. Родители никогда не выходили вместе, если только на дачу. Дома у нас никто не бывал, только самые близкие люди и родственники. Иногда между родителями возникали перепалки и тогда отец называл мать «политической проституткой». Мы ничего не знали, что произошло с отцом и ни отец, ни мать не рассказывали нам. По ночам мать часто плакала. Я видела это, потому что ее лицо все больше покрывалось морщинами. Я была старшей дочерью в семье и осталась в ней, чтобы помогать матери. Мне

было очень жаль ее. Наш дом был полон страдания. Мой отец, огромный сильный мужчина 1,85 ростом был смертельно раненым зверем, загнанным в самый дальний угол жизни.

Друзей у отца не было. Он стал угрюмым и необщительным. Да и могли ли они быть у человека с «белым билетом» и с официальным диагнозом «шизофрения», несмотря на то, что он был совершенно нормальным человеком.

Думаю, нашу квартиру и телефонные разговоры прослушивали. Когда отец хотел о чем-то серьезном поговорить, он улавливал момент, выходил вместе на улицу и там разговаривал.

Я хотела понять, почему у меня такой «оборванный» и униженный отец и такая блестящая мать. Пример матери у меня был, примера отца – не было. Был пример, каким отец быть не должен. Глядя на мать, я думала, что жизнь замужней женщины хотя бы в дни праздников или дней рождений должна «украшаться» подарками, нежной привязанностью мужа. Но этого не было. Глядя на отца, я четко знала, что мой муж не должен походить на моего отца.

Эпизод 12. Таллин.

Когда мне исполнилось 15, мать впервые отправила меня в самостоятельное путешествие в Таллин. Вечером меня посадили в поезд и утром на следующий день я очутилась в Таллине, столице Эстонии. В Таллине жил школьный товарищ матери. Учились они в Сибири. Звали его Михаил Казаков, или дядя Миша. Дядя Миша был капитаном дальнего плавания.

Вероятно, мать уловила мои возрастные терзания и отправила меня к «примерному» отцу. Дядя Миша жил с семьей в 3хкомнатной квартире. У них было двое детей – Ира была на год старше меня и сын Юра, ему было лет 10. В квартире были желтые полы и этот модернизм меня сразу потряс. Как и весь город Таллин.

Таллин мне показался настоящей заграницей. Там все было по-другому. Маленькие кафе, в которых делали крепкий кофе, воздушные пирожные, конфеты марципаны, которые я попробовала впервые, городской парк Кадрриорг, в котором белки брали из рук конфеты, предпочитая шоколадные... Первый фильм Детям до 16, который я посмотрела в местном кинотеатре - «Фанфан-Тюльпан» с Джинной Лоллобриджидой... Действующие церкви, огромные ароматные свечи в подсвечниках... Первый Баптистский съезд в католической церкви с синхронным переводом в наушниках на шести языках... Но больше всего меня поразила дядя Миша, капитан 300 метрового судна. Вот это был отец! Я болталась по кораблю, трогала штурвал, рынды, разные приборы, мне хотелось потрогать руками и дядю Мишу, чтобы поверить, что это не сон и такие отцы действительно существуют. У кого-то. Но не у меня.

Эпизод 13. Мать.

Фортуной матери было то, что она была в самом начале развития телевидения в Беларуси. Она уже была хорошим журналистом, работая в газете «Зорька» в Москве, а на телевидении смогла полнее проявить свои организаторские и журналистские способности.

Я часто спрашиваю себя, какой в действительности была моя мать – доброй, заботливой матерью или лживым, деспотичным телевизионным работником. Когда она «заразилась» тем голливудским вирусом вечной молодости, желанием быть вечно красивой и молодой, что с годами становилось все труднее?

Мать родилась в Сибири в маленькой деревушке Минусинского района. В семье было 5 детей. Когда началась война, матери было 17. Ее отец работал начальником золотой артели, а ее деда в свое время сослали в Сибирь за революционную деятельность. Родом он был из Каунаса. Звали его Спиридон. Отец матери женился на местной бурятке. Мою бабушку по линии матери звали Олимпиада. Она умерла молодой и я никогда ее не видела, но мать говорила мне, что я похожа на ее мать – такие же голубые раскосые глаза. После войны мать уехала из Сибири учиться и поступила на журфак в Минске. В Минске же она познакомилась с моим отцом. Ей был 31 год, ему 27. Мать была старше отца на 4 года, вероятно, после войны было трудно с мужским полом. Они уехали в Москву. Мать работала в газете «Зорька», а отца от МВД направили учиться и он поступил на исторический факультет Университета им. Ломоносова. Я родилась в Москве.

Моя мать была очень близка со своей младшей сестрой Зиной. Зинаида Андреевна была юристом и жила с семьей в Москве. Отец ее мужа, Вячеслав Конопаткин, был зам. Министра сельского хозяйства. Мы часто бывали у них дома и я помню, как большой грузный вечно смеющийся мужчина, смешил меня, 4-5 летнюю девочку, вытаясь скрести свою спину длинной палкой. Мы ходили с матерью в Детский Мир. Там было огромное количество игрушек, при виде которых я говорила ей, что «хочу все». Мать отвечала, что нельзя хотеть все, а нужно выбирать. Тогда я, помолчав, отвечала: «Тогда ничего».

Оказалось, что я не всегда жила с родителями в Москве. Родители отвезли меня к родителям отца и я прожила в деревне до 4 летнего возраста. Отец закончил университет и родители вернулись в Минск. Мать устроилась работать на Телевидение, а отец вернулся в МВД оперуполномоченным. Я пошла в детский сад от Телевидения. Там нас обучали английскому языку с 4 летнего возраста. Нам дали однокомнатную квартиру с высокими потолками по улице Карла Маркса напротив Шахматного Клуба. В 1960 году родилась сестра. Первое, что я сделала, когда ее привезли в коляске в квартиру – выкинула ее из коляски. Меня поставили в угол.

Эпизод 14. Дело №.

Передо мной лежит тощая копия архивного дела. Справа в углу печать: центральный архив КГБ РБ. В центре 1й страницы – черно-белая фотография 20-летнего юноши с большими светлыми глазами. Светлые волосы закинута назад по моде тех лет. Это мой отец. Под фото – номер: Е-049523.

В папке – 12 листов: автобиография, безупречная характеристика комсомольца и коммуниста, выписка из архива. Это все, что у меня осталось от отца. Папка в руках сотрудника была толстой, но мне, как дочери, были выданы только эти 12 листков. Сотрудник, посмеиваясь, посоветовал обратиться в музей ВОВ, чтобы узнать побольше о партизанской деятельности моего отца.

**Отец умер 6 февраля 2007 года.
Спустя 7 лет я открыла его папку...**

Михаевич Василий Никитович. Родился 10 января 1928 года в д.Осовцы, Дрогичинского района Пинской области. Социальное происхождение – из середняков, член ВКПБ с 1951 года, партбилет номер 00011582.
15.01.1944 – 25.07.1944 года – боец партизанского отряда имени Калинина бригады Молотова Пинского Соединения.
Затем работал в Райфо г.Дрогичина старшим налоговым инспектором.
1946 – 1949 г.г. – учеба в Гидротехническом техникуме г.Пинска. После окончания учебы работал в «Полесьемелиопроект» в должности начальника изыскательского отряда.

Из характеристики члена ВЛКСМ Михаевича Василия Никитовича:
«Тов.Михаевич В.Н. за время пребывания в техникуме с 01.09.1946 по 24.06.1949 года показал себя дисциплинированным, морально устойчивым, идеологически выдержанным, предан Ленинско-Сталинскому комсомолу, делу партии Ленина-Сталина». Секретарь комсомольской организации при Пинском Гидротехникуме – Голубев, подпись.

01.09.1951 – зачислен оперуполномоченным в МГБ БССР.

06.08.1953 – уволен по сокращению в запас.

1953 - 1958 – окончил МГУ им.Ломоносова исторический факультет.

09.08.1958 - зачислен в КГБ при СМ БССР.

16.03.1959 – уволен по собственной просьбе. (10).

Что же произошло на самом деле? Отчего вдруг отец, зачисленный после окончания Университета в Москве в КГБ РБ, спустя 6 месяцев уволился по собственному желанию?

По рассказам матери, он не уволился, а бросил свой партбилет на стол начальства со словами, что не желает работать в такой организации.

Он о чем-то узнал. Но до конца своей жизни ничего не сказал нам.

Приказ об увольнении был дан **6 февраля**. Оформили его 16 марта 1959 года.

Отца уволили. Но просто так его жест не прошел. Этим жестом он порезал на мелкие кусочки не только свою судьбу, но судьбу своей жены и нас, его дочерей. Квартиру на Карла Маркса забрали.

Мы переехали в маленькую 2хкомнатную квартиру хрущевской планировки по улице Кедышко.

В 1963 году я пошла в ближайшую общеобразовательную школу № 63.

Начался период мучений. Отец пытался найти работу. Какое-то время он работал в парке Челюскинцев в детском интернате. Он еще верил в правду и пытался достучаться до московского руководства – ездил в Москву, но его снимали с поезда. Однажды его сняли с поезда, направлявшегося в Китай. За ним следили, это было однозначно. Не знаю, понял ли он, против ЧЕГО он поднялся и когда он это понял. Против системы. Где-то в 1968 году терпение у них лопнуло и отца начали упрячивать в дурдом. Санитаров вызывала мать. В конце концов отцу сострипали медицинское заключение с диагнозом «шизофрения», поставив таким образом точку на его судьбе.

Историка с дипломом Университета им. Ломоносова определили на работу простым слесарем на Часовой завод с минимальной зарплатой.

Я видела какво приходилось матери и в этой обстановке я рано возросла. Мать с трудом держалась на своем высокопоставленном посту и как только на Телевидении сменилось руководство, ее сняли с должности главного редактора Редакции для Детей и Юношества. Шел 1972 й год. Мне было 16. Сестре 12. Вот почему я пошла работать и учиться в 17 лет. Было ли это иронией судьбы, но я как отец стала гидротехником и в течение 25 ти лет занималась изыскательскими работами и ездила в экспедиции. В 1989 году я защитила кандидатскую диссертацию и работала в Институте Зоологии АН БССР научным сотрудником, собирая материал на докторскую диссертацию.

Эпизод 15. «Опасное наследство».

Безусловно, «система» знала, что была наверняка и не в одно поколение. Было ли моей матери не до суг, понимала ли она всю опасность такого диагноза нашего отца для нас, ее детей? Она не погладила по голове, не села рядом, пригласив к серьезному разговору, чтобы хотя бы подготовить к проблемам в будущем. Многие последствия этого сфабрикованного диагноза выливаются до сих пор, прокатились по всей моей жизни и, вероятно, и по жизни моей сестры.

Мать продолжала ездить на Черное море и обслуживаться в VIP санатории. В 17 лет я взвалила на себя тяжелую ношу по поддержанию матери и сестры и осталась с матерью до 40 лет.

Обстановка дома продолжала оставаться напряженной, хотя отец стал «смирным». У него была сильная неудовлетворенность жизнью и думаю это естественно, если специалиста с высшим образованием обязывают всю жизнь работать простым рабочим на заводе с минимальной зарплатой. Это было «находкой» системы – унижить и раздавить психологически.

Эпизод 16. Письмо Путину.

Отец вел дневник. Писал он карандашом в простой ученической тетрадке. Это была его Моабитская тетрадь. Могла ли я, 17 летняя девочка, знать, когда писала сочинение о Мусе Джалиле на вступительном экзамене в университет, что она была также тетрадью моего отца?

Почерк с годами становился неразборчивым и было трудно понять его каллиграфию. Читая автобиографию 20-летнего парня, чувствовалось, что его интересовали политика и международные отношения.

В преклонном возрасте он регулярно читал книги и прессу. Был ли он идеалистом и были ли его идеи утопией? Он болел за справедливость и за права человека, свободу личности и свободу волеизъявления. Он видел и знал, в какую сторону искривился социалистический строй, пытался говорить об этом и писать об этом мировым лидерам.

Я храню конверт с письмом отца, адресованное В.В.Путину: отец писал о «человеческом факторе». Ценить, развивать в каждой личности человечность, гуманное начало, поощрять добрые товарищеские отношения, - это был его гуманизм.

Отец не писал и тем более не говорил о том, что он узнал во время службы в КГБ: он не хотел, чтобы и у нас были проблемы. Он пытался донести эту информацию до высших политических кругов... Как будто они не знали, как расправлялись с людьми в сталинские времена. Его упрятали в психушку.

Когда он понял, что эту систему не пробить, он замкнулся в себе и молчал более 30 лет...

Эпизод 17. Куропаты, 1937. 77 лет спустя

В 1988 году, когда история с Куропатами вышла наружу, на мой вопрос, почему он мне раньше ничего не рассказал, отец ответил, что «эти люди еще у власти» и что «там свои по своим стреляли. Ставили в ряд и одной пулей двоих убивали. Пули сэкономили». Больше он никогда к этой теме не возвращался.

Забывать значит предать

Из статьи канд. исторических наук Игоря КУЗНЕЦОВА, члена Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества **«Мемориал»**:

В апреле 1999 года было завершено четвертое следствие, проведенное по факту обнаружения массовых захоронений в лесном массиве Куропаты, результаты которого до сих пор так и не обнародованы.

По требованию «общественности» Военная прокуратура в очередной раз провела новое следствие по старому делу, однако **«немецкий след»** так и не был найден.

На гранитном обелиске в Куропатах высечена надпись:

«У гэтым лясным масіве ў адпаведнасці з пастановай Савета Міністраў Беларускай ССР ад 18 студзеня 1989 г. будзе пабудаваны помнік ахвярам масавых рэпрэсій 1937–1941 гг.»

Как это было

3 июня 1988 года в газете «Літаратура і мастацтва» была опубликована статья научных сотрудников Института истории АН БССР **Зенона Позняка** и **Евгения Шмыгалева «Куропаты — дорога смерти»**. В статье утверждалось, что в лесном массиве Куропаты захоронены жертвы политических репрессий 1937–1941 годов. Обобщив все имевшиеся материалы, авторы статьи сделали вывод, что на этом месте в предвоенные годы **органы НКВД проводили массовые расстрелы людей**.

Авторы рассказывали, как в начале 70-х гг. в деревне Зеленый Луг им довелось услышать от старожилков о расстрелах людей в недалеком лесу. С 1937 г. по 1941 г., говорили они, каждый день и ночь туда привозили на машинах людей и расстреливали. Кругом стоял старый бор, называли его Брод. Участок был обнесен высоким, не менее 3 м, дощатым забором, по верху которого протянута колючая проволока. За забором находилась охрана с собаками. Людей привозили по гравийной дороге, что вела от Логойского тракта к Заславлю. Путь этот местные жители называли **«Дорогой смерти»**. Публикация в писательской газете мгновенно получила республиканскую известность. Спустя несколько дней статьи, основанные на тех же фактах, вышли в **«Московских новостях»**, **«Известиях»**, **«Огоньке»**, **прошел сюжет по Центральному телевидению**.

Публикации имели большой резонанс и послужили основанием для возбуждения Прокуратурой БССР 14 июня 1988 года уголовного дела. Это было первое

в СССР уголовное дело против тоталитарного государства за преступления против своего народа в 1930-е годы.

Летом 1988 года к нам домой приехал московский журналист и взял интервью у моего отца по поводу событий в Куропатах.

Первое следствие по Куропатам проводилось с июня по ноябрь 1988 года, потом оно было прекращено и возобновлено в январе 1989 года.

Уже через неделю **прокурором БССР Георгием Тарнавским** было возбуждено уголовное дело - первое в стране **по фактам кровавых преступлений полувековой давности, совершенных НКВД**. В печати появилось сообщение о начале следствия и о создании **правительственной комиссии**, в которую вошли **писатели Василь Быков и Иван Чигринов, народный художник СССР Михаил Савицкий, бывшая подпольщица Герой Советского Союза Мария Осипова, руководители Минюста и МВД БССР, Верховного Суда, КГБ, ученые, представители общественных организаций**. Возглавила комиссию зампредседателя Совмина **Нина Мазай**. Следствие возглавил **Язеп Бролишс, следователь по особо важным делам Ген-прокуратуры БССР**.

В июле 1988 г. участники расследования первый раз все вместе побывали в Куропатах. Вышли из машин, спустились в глубокую лощину, из которой начинался медленный подъем к вершине протянувшегося с востока на запад покатога холма. Буквально через несколько шагов стали встречаться **впадины** - разные по глубине и размерам, поросшие травой или кустарником, и превращенные в свалки, заполненные мусором, битым стеклом и консервными банками. В блокнотах и документах появилась первая цифра: 510 впадин размером 2х3; 3х3; 4х4; 6х8 м.

Одновременно депутаты сельских советов, работники милиции пошли по дворам прилегающих к Куропатам деревень, чтобы составить списки сельчан, живших здесь в 30-40-е гг. Вскоре у следствия появились имена и адреса без малого 200 человек. Из архивов же одно за другим пришли безрадостные вести: "*Материалов, относящихся к этому периоду и содержащих какие-либо сведения о событиях в лесном массиве близ деревень Цна-Иодково, Дроздово, Зеленый Луг, не имеется*".

Говорит **Язеп Бролишс, бывший следователь по особо важным делам Прокуратуры БССР**: *«Это дело было совершенно уникальным. Следствие по уголовному делу обычно имеет свои цели: установить событие преступления, того, кто его совершил, определить, под какую статью УК это преступление подпадает, найти потерпевших и т.д. Здесь же, несмотря на то, что событие преступления налицо, было неясно, кого и что искать... Более того, не существовало прецедентов таких расследований, не было ни технологий, ни методик. Это было первое такое дело в Советском Союзе. Тем не менее путем проб и ошибок, применяя испытанные технологии и приемы криминалистики, мы вышли из положения. Зато мы оказали хорошую услугу всем тем, кто столкнулся с такими захоронениями после нас».*

В ходе следствия было установлено, что на территории около 30 гектаров

расположено 510 предполагаемых захоронений, представляющих собой впадины с признаками оседания грунта. Была произведена выборочная эксгумация, во время которой обнаружены человеческие останки — 313 черепов, кости скелетов, 340 зубных протезов из желтого и белого металлов. Обнаружены также личные вещи — расчески, зубные щетки, мыльницы, кошельки, обувь, остатки одежды, а также 177 гильз и 28 пуль. 164 револьверные гильзы и 21 пуля стреляны из револьвера системы «Наган», 1 гильза—из **пистолета «ТТ», т.е. из штатного оружия сотрудников НКВД.**

Когда мы переехали на новую квартиру, мне было 14. Мне нравилась просторная окраина города, можно было выйти из дома и тут же окунуться в лесную прохладу. Часто летом мы ходили в деревню Цна за деревенским молоком, а зимой катались в лесу на лыжах. Я давно заметила в лесу эти странные впадины в земле, но никогда не думала, что они могут скрывать столь страшное наследие.

"Я УВИДЕЛ БОЛЬШУЮ ПРЯМОУГОЛЬНУЮ ЯМУ"

В госархиве были обнаружены списки работников административно-хозяйственного управления **НКВД БССР**, проходивших в разное время медосмотры. Были в них и фамилии водителей, которые, следуя логике, могли обслуживать и маршрут **"тюрьма - Куропаты"**.

Из показаний **Михаила Дэвидсона, бывшего шофера гаража НКВД:**

*"Как водитель я ни в каких оперативных делах не участвовал... Однако был один случай. Я тогда дежурил ночью. Меня вызвал дежурный по НКВД, фамилии его не помню, и сказал оставить свою "эмку" в гараже, идти во двор, сесть в стоящую там машину, она называлась **"ворон"**, и ехать, куда мне прикажут. Сел я за руль, рядом со мной работник комендатуры, фамилии его не знаю. Велел ехать в сторону Московского шоссе...*

*Когда мы въехали в лес, я увидел большую прямоугольную яму... Я включил свет и увидел, что сзади из кузова выводят людей. Часть из них уже сидела по краям ямы, ноги свешивались вниз, а руки были связаны за спиной. Когда полностью края ямы были заполнены людьми, их начали расстреливать. Расстреливал только один работник комендатуры, стрелял из пистолета в затылок, и люди падали в яму. Когда все были убиты, он сам прыгнул в яму и стал втоптывать людей, я слышал хруст костей. Фамилия этого работника **Острейко**... Всего расстреляли тогда более 20 человек, в моей машине столько вместиться не могло. Видимо, всех расстреляли сразу. В свете фар я видел этих людей, однако лиц не запомнил. Были только мужчины средних лет. Все легко одеты - костюмы, пиджаки, без пальто, без головных уборов, одежда гражданская. Вещей при них никаких не было. В расстрелах принимали участие человек пять работников комендатуры, старшим среди них был **Ермаков**. Однако непосредственно расстреливал только один... **Острейко**... **Все участники расстрела были в форме НКВД**... Все были вооружены пистолетами, более крупного оружия я не видел... После расстрела мне сказали уезжать, поэтому я не знаю, кто закапывал яму... По моим подсчетам, это происходило где-то в конце 1934-го - начале 1935 г., но после смерти Кирова... Работали вместе со мной в НКВД и другие водители, которым, возможно, приходилось чаще присутствовать при таких событиях. Так, постоянными водителями*

машин "ворон" были **Матюшевский, Корсак, Адамович, Яртемик**. Последнего видел после войны, он был шофером писателя Кулешова. Мне известно также, что после таких "операций" всех участников приглашали на ужин в столовую НКВД. Меня тогда тоже пригласили, но я не пошел".

Из рассказа **Евгения Сташкевича**: "Летом 1937 г. умер мой отец, и мать стала вместо него поднимать меня рано утром пасты корову. Мы жили на хуторе, наш дом стоял в стороне от деревни. Коров пасли рядом с Заславской дорогой. Уже в один из первых дней моей пастушьей службы, часов в пять утра, я увидел, как въехали в лес закрытые грузовые машины. Очень скоро после этого раздались выстрелы. Я был пацаном и не знал сначала, что это за машины и почему стреляют. Потом мне взрослые объяснили, что расстреливают **"врагов народа"**".

Из показаний **Сергея Харитоновича**, в 1937-38гг. выводного внутренней тюрьмы НКВД на ул. Урицкого:
"В 1937-38гг. из "американки" регулярно отправляли людей на расстрел. Я лично расстреливать заключенных не возил, мне приходилось только выводить их из камер к машине... Сажали в машину по 15-20 человек и сразу увозили, а куда - мне было неизвестно. Только один раз пришлось съездить на место расстрелов, чтобы закопать свежую могилу... Ехали по Логойскому тракту и километрах в четырех от города повернули налево... Приехали мы в какой-то лес, там увидели могилу - довольно длинную, но не очень широкую траншею. Трупы в ней уже были присыпаны песком, нам оставалось только полностью все засыпать и сровнять с землей... Ездил я на такую операцию только один раз, а в расстрелах мне самому участвовать не приходилось... Возили людей на расстрелы при мне постоянно **весь 1937 г.** Когда я дежурил, заключенных приходилось выводить каждую ночь, а в 1938 г. расстреливали уже меньше... Тогда начали арестовывать самих работников НКВД..."

"НЕКОТОРЫЕ КРИЧАЛИ: "ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ!"

Из рассказа **Сергея Захарова**, в 1937 г. **вахтера комендатуры НКВД БССР**:

"По приказу коменданта я и другие конвоиры, фамилий их уже не помню, часа в 22-23 подъехали на крытой брезентом грузовой машине к "американке"... Охрана тюрьмы посадила в кузов несколько арестованных... Было их не менее 20 человек... Я не ходил туда, где расстреливали, я сидел в кузове и охранял осужденных... Не помню точно, кто - исполнитель или охранник - пришел, взял одного человека и увел. Раздался выстрел. Потом пришли за другим осужденным вывели его, опять прозвучал выстрел. Таким образом расстреляли всех... Судя по одежде, а особенно по обуви, среди конвоированных было много жителей Западной Белоруссии. Некоторые из них были одеты очень роскошно, другие скромнее. На некоторых была очень дорогая обувь, выполненная на заказ. Такую носили на Западе. В 1937-1938 гг. на расстрел каждую ночь возили. И в 1940-м, после присоединения Западной Белоруссии, работы также было много..."

Уходя из тюрьмы, они забирали все свое, как мы называли, "приданое". Я сам видел в руках у осужденных свертки и сумки с вещами. Они выходили с ними из машины, а назад никто ничего не возвращал... Из разговоров с **Бочковым**,

Острейко, Мигно, которые расстрелами занимались постоянно, я знаю, что приговоренного к смерти подводили к яме и стреляли в голову, затем он сам падал или его сбрасывали в могилу. Туда же бросали и все личные вещи... Мне думается, часть людей погибала невиновных. Во всяком случае, у меня такое впечатление сложилось... Разве при таком потоке можно следствию детально разобраться? В 1937 г. каждую ночь на расстрел возили..."

На одном из минских кладбищ на могиле, увенчанной строгим мраморным памятником, написано: **"Коба Степан Григорьевич (1908-1953)".**

Степан Коба был заметной фигурой в НКВД БССР, он уверенно поднимался по карьерной лестнице, дорос до полковника госбезопасности и закончил жизнь прямо в кабинете, всего на два месяца пережив Сталина. Из показаний **Сергея Харитоновича:**

"Участвовали в расстрелах многие работники комендатуры - **Никитин, Коба, Ермаков, Яковлев...** Возвратившись поздно ночью в НКВД, они затем в столовой распивали спиртные напитки, которые им выдавали по приказу... За что, не знаю. Может, и за вредность работы... Активно выезжал на расстрелы **кладовщик Абрамчик Фома**, отчества не помню. Я у него несколько раз интересовался, как это делается, и он рассказывал, что людей ставят к яме и стреляют из наганов. Помню, Абрамчик говорил, что перед расстрелом некоторые кричали: "Да здравствует Советская власть!", "Да здравствует Сталин!"

Из рассказа **Сергея Захарова:**

"Расстреливали людей **Бочков, Острейко, Ермаков, Коба** и другие работники комендатуры из наганов. Возможно, использовали и пистолеты ТТ... Когда и кто готовил могилы, я сказать не могу... Думаю, этим занимались **Мигно и Острейко**, которые, судя по их разговорам, постоянно находились на месте расстрелов".

Иван Стельмах начинал службу в органах НКВД стажером следственного отдела, а завершил ее **замминистра госбезопасности БССР:**

"После войны, когда я уже работал заместителем министра МГБ, мне пришлось заниматься разбором писем родственников тех людей, которых в 30-х гг. приговорили к 10 годам лишения свободы без права переписки. Я решил прибегнуть к помощи Кобы, который был уже начальником комендатуры, и спросил его, каковы судьбы этих людей. Он хитро улыбнулся, а потом охотно поведал, что такие приговоры означали расстрел. ...Коба сообщил мне по секрету, что акции эти проводились в лесном урочище под Минском, но где конкретно находилось и как называлось это место, Коба не сказал... Не стесняясь, Коба рассказал, что расстрелы он проводил сам вместе с другими работниками комендатуры, среди которых были **Никитин и Ермаков**. Стреляли в голову из наганов, так как, по словам Кобы, это самое надежное оружие. За ночь, как правило, расстреливали не менее 10 человек. После "операций" их участникам обязательно выдавали **спирт**. Может, с этого ритуала и начался путь многих из них к хроническому алкоголизму, а у некоторых - и к самоубийству".

Раскопки в Куропатах

Раскопки в Куропатах решено было провести строго по археологическим методикам, и потому для участия в них пригласили **археолога Зянона Пазыняка**. В археологии для выяснения характеристик однотипного памятника (могильника) достаточно исследовать его часть. Выбрали восемь захоронений в разных уголках массива и 6 июля 1988 г. приступили к работе. Место расположения в раскопе каждой вещи наносили на карту-схему. При этом строго фиксировалась глубина, на которой покоилась находка; раскоп криминалисты периодически фотографировали и снимали на видеопленку. Выброшенный наверх песок "прощупывали" сначала металлоискателем, а потом и пальцами. Эксперты тщательно осматривали каждую кость, каждый предмет. Остатки обуви - галоши, голенища сапог, подошвы, имеющие маркировки или другие особенности, сохранившиеся части кожаной одежды, отбирали для последующего проведения экспертиз. Особый интерес для следствия представляли личные вещи покойных: расчески, портмоне, щетки, очки, монеты.

Когда весь пласт останков был поднят и пропущен через десяток рук и глаз, все пригодные для исследований предметы были отобраны, на дне могилы выкопали небольшую контрольную траншею. В нее опустили все, что пока сохранилось. Могилу вновь засыпали, аккуратно выровняли, привели в порядок территорию вокруг захоронения.

Члены комиссии, археологи **Андрей Метельский и Валентина Вергей** сообщили следующее: *«К примеру, в последней могиле, где были найдены кости 370 человек, людей сложили штабелями, пересыпали землей, а сверху разожгли костер из их одежды и вещей. Была найдена обувь 1930-х годов, бокалы, гребешки, даже бумаги о конфискации вещей. Немцы документов на отобранные вещи, насколько мне известно, не выдавали. Кроме того, в могилах не были найдены кости ни одного ребенка, а как стреляли немцы - известно. Найденные вещи говорят о том, что людей отправляли в Куропаты сразу с этапа, откуда они прибывали со своими пожитками. Значит, людей не держали в камерах, и не проводили никакого следствия. Это настоящий геноцид против народа. Подобное по масштабам преступление происходило, может быть, только в Камбодже. Это была гражданская война вооруженной власти против безоружного народа».* (7)

Из перечня находок в раскопе N2:

"1.62 черепа, 68 пар бедренных, 55 пар плечевых, 64 большеберцовых и 48 пар малоберцовых костей. В затылочной области черепов - отверстия округлой формы. 2. Фарфоровая кружка. 3.8 деформированных металлических предметов, похожих на пули. 4. Портмоне. 5. Очки с круглыми стеклами, в футляре. 6. Шесть кошельков... 7. Спичечный коробок с монетами. Точное количество монет не установлено во избежание разрушения коробка... 12. Зубная щетка... 14. Расческа с маркировкой **British made**... 21. Три фрагмента обуви..."

Если в 1-3-й могилах обувь, кстати, сохранившаяся лучше других вещей, преимущественно отечественного и кустарного производства (фабрик "**Красный треугольник**", "**Красный богатырь**", "**Резинотрест**"), то в 5-м, 6-м и 8-м раскопах было очень много ботинок, туфель, резиновой обуви с маркировкой зарубежных фирм: **Gentleman, Pepege, Bata, Alfa-Sanok, Rugawar** и др.

Во всех раскопанных могилах останки людей обнаруживали сначала по краям, а в центре - с "опозданием" на 10-60 см, в 5-м раскопе - чуть больше метра. Если представить себе разрез захоронения, то в его центре будет своеобразная воронка, заполненная пустым песком, в котором, правда, иногда попадаются случайные вещи - галоши, остатки одежды, очки и т. п. Это обстоятельство стало главным аргументом **Пазыняк и Шмыгалева**, которые в газете **"Літаратура і мастацтва"** в статье **"Шумят над могилой сосны" 16 сентября 1988 г.** писали: "...О чем это говорит и почему возникла такая ситуация? Возникла она в результате прежней эксгумации, раскопок могил и выборки костей, когда кто-то... заметал следы".

В статье, в основном повторяющей отчет археологов о раскопках, делался вывод: "Сделав обмеры и подытожив все данные, можно приблизительно подсчитать первоначальное количество похороненных в исследованных могилах. Оно колеблется от 150 в "зимней" могиле N1 до 260 в могиле N5. Если взять среднюю цифру 200 покойников в могиле и сделать простое умножение на количество выявленных сегодня захоронений (510), то **получим 102 тыс. человек.** Однако настоящая цифра похороненных, видимо, больше, потому что существует много могил, больших по размерам, а некоторые захоронения представляют собой ямы длиной до 10 м".

По другим оценкам число жертв в Куропатах оценивается в около **200 000 человек.**

ДАТЫ И ЦИФРЫ

Возраст срубленных у раскопов деревьев, как установило следствие, колеблется от 35 до 46 лет. Подтверждаются показания свидетелей о том, что лес в Куропатах был постепенно вырублен и новый поднялся уже после войны.

Среди извлеченных вещей было много кошельков с монетами. Время их чеканки свидетельствует, что в первую и вторую могилы люди погибли не ранее **1936 г.**, а в пятую - в **1940 г.**

Это можно достаточно уверенно предположить, держа в руках мужскую расческу из раскопа N5:

"Тяжелы минуты заключенного. Минск 25.04.1940. Мысль о вас доводит меня до отчаяния", - написано по-польски на одной стороне расчески.

А на второй: **"26.IV. Расплакался - тяжелый день"**.

Исследовав зубные протезы, коронки и пломбы, эксперты установили, что протезы изготовлены во временном интервале с 1933 г. до послевоенных лет: нержавеющая сталь в зубном протезировании начала применяться после 1933 г., а **каучук**, используемый под основания съемных протезов, в 1946-47гг. уступил место **пластмассе.** Не изготавливались после войны и искусственные зубы седловидной формы, часто встречающиеся в раскопах. Следствие пришло к заключению: **расстрелы в лесном массиве Куропаты проводились со второй половины 30-х гг. до начала войны.**

Из заключения комплексной судебно-медицинской и криминалистической экспертизы:

"На основании полученных данных установлено, что в захоронении N1 было не менее 55 человек; в захоронении N2 - не менее 69 человек; в захоронении

№3 - не менее 37 человек; в захоронении №5 - не менее 107 человек; в захоронении №6 - не менее 36 человек; в захоронении №8 - не менее 52 человек. Таким образом, общее количество захороненных в исследованных могилах - не менее 356 человек...".

Несложные арифметические расчеты: $356:6 = 59$. В каждом вскрытом захоронении, не считая тех, что оказались ложными, обнаружены останки в среднем 59 человек. Если эту цифру умножить на количество предполагаемых могил, то можно прийти к выводу, что **на территории урочища Куропаты покоится не менее 30 000 граждан.**

Из заключения комплексной судебно-медицинской и криминалистической экспертизы:

"Всего исследовано 311 черепов и их фрагментов, извлеченных из всех 6 захоронений. На 222 выявлены огнестрельные повреждения, которые характеризуются наличием дефекта ткани, круглой или овальной формой, диаметром около 7-9 мм...

На 188 черепках и их фрагментах выявлено по одному входному огнестрельному отверстию, на 29 черепках - по два входных отверстия и на 5 черепках - по три входных огнестрельных отверстия. В 192 случаях выстрелы были произведены в затылок, в 26 - в висок (правый или левый)...

Представленные на исследование гильзы изготовлены в СССР в 1928 г. - 3 шт., в 29-м - 2, в 30-м - 6, в 31-м - 13, в 32-м - 1, в 33-м - 12, в 34-м - 6, в 35-м - 9, в 36-м - 1, в 37-м - 8, в 39-м - 74 шт.

164 револьверные гильзы стреляны из револьвера системы "Наган", 1 гильза - из пистолета "ТТ". 8 патронов, обнаруженных в захоронениях NN5-6, являются патронами калибра 7,62 мм и предназначены для стрельбы из револьвера системы "Наган" образца 1895 г."

Как показала комплексная судебно-медицинская и криминалистическая экспертиза, по оценочным данным, в урочище **Куропаты** покоится прах не менее **30 тысяч репрессированных.**

В ходе расследования было опрошено около 200 очевидцев событий.

55 свидетелей из числа жителей деревень **Цна-Иодково, Подболотье, Дроздово**, расположенных вблизи лесного массива, показали, что **в 1937-1941 годах сотрудники НКВД** на крытых автомашинах привозили сюда людей и расстреливали их. Трупы закапывали в ямы. Расстрелы начались в 1937 году и продолжались до 1941-го. Судя по характеру и номенклатуре обнаруженных вещей, в Куропатах были захоронены в основном выходцы из **Беларуси**, в том числе из западных областей, и, возможно, из **Прибалтики**. Есть основания полагать, что там покоится **прах политических заключенных Автодорлага.**

Среди свидетелей, дававших показания, не было никого, кто во время тех событий находился бы в младенческом или старческом возрасте. Во время следственного эксперимента свидетель Н.Карпович указал место, где в 1937 году видел незасыпанную могилу, наполненную трупами. В ходе эксгумации в указанном им направлении обнаружено захоронение, из которого извлечены 50 черепов, кости скелета, обувь, другие предметы и их фрагменты.

Из протокола эксгумации останков:

«При разработке пласта захоронения (раскоп №8) извлечены хаотично располагавшиеся в нем предметы: 50 черепов, в том числе 7 со сводом и основанием... На всех 50 черепах имеются повреждения округлой и овальной формы, располагающиеся на различных участках—в теменной, затылочной, височной, лобной областях. Сохранившихся черепов без повреждений не обнаружено...»

Практически все опрошенные засвидетельствовали, что во время войны на этом месте расстрелов не было, да и вообще в ту пору **версия «немецкого следа»** никому не приходила в голову. По словам **Язепя Бролишса**, «и тогда, и сейчас у меня не возникало ни малейшего сомнения, что это — **дело рук НКВД**. В ходе следствия не было найдено никаких доказательств «немецкого следа». А свидетельств того, что расстреливали «компетентные органы», более чем достаточно».

Для того чтобы выяснить, где находились места приведения в исполнение приговоров и решений внесудебных органов за 1937–1941 и 1944–1953 годы, следствие направило запросы в **КГБ БССР**.

Однако согласно поступившим на запросы следствия ответам эта организация не располагала документальными данными о местах приведения приговоров в исполнение. Отсутствовали там также и сведения о лицах, исполнявших в указанные годы приговоры, и решения о высшей мере наказания. Оказалось невозможным установить и количество расстрелянных.

Тем не менее следствием было достоверно установлено, что с 1937 по 1941 годы в лесном массиве Куропаты органами НКВД производились массовые расстрелы граждан. Спустя столько времени определить их личность и конкретные основания казни уже не представлялось возможным. В постановлении о прекращении уголовного дела было отмечено: «Принимая во внимание, что виновные в этих репрессиях **руководители НКВД БССР и другие лица приговорены к смертной казни либо умерли, на основании изложенного... уголовное дело, возбужденное 14 июня 1988 года прокурором Белорусской ССР, прекратить**».

Новая версия старого дела

В июне 1991 года члены так называемой «общественной комиссии по расследованию преступлений в Куропатах» под председательством **В. Корзуна** направили в Прокуратуру СССР собранный ими материал, якобы доказывающий, что в урочище Куропаты покоятся жертвы не НКВД, а немецко-фашистских захватчиков.

Осенью 1991-го в Минск приезжал представитель Прокуратуры СССР, но факты, изложенные в обращении «общественной комиссии», не нашли подтверждения. В феврале 1992 года по требованию «общественной комиссии» Прокуратура РБ была вынуждена возобновить расследование. Следствие подтвердило выводы государственной комиссии.

В 1993 году «общественная комиссия» обратилась в Верховный Совет РБ с предложением дезавуировать выводы, к которым пришла государственная комиссия в своем **расследовании куропатских событий**. Верховный

Совет в ответ поручил **Генеральному прокурору республики В.Шолодонову** вернуться к этому делу.

Повторное расследование было поручено **старшему следователю по особо важным делам Прокуратуры РБ Валерию Комаровскому**. Именно к тому времени относится возникновение версии о «**немецком следе**» и о том, что в Куропатах не НКВД расстреливал советских граждан, а немцы расстреливали привезенных сюда в качестве переводчиков **гамбургских евреев**.

Тогда же бывшая белорусская подпольщица **Мария Осипова**, которая принимала участие в работе государственной комиссии во время первого следствия, спустя четыре года вдруг вспомнила, что во время войны через Комаровку в сторону Зеленого Луга немцы гнали на расстрелы мирных граждан. Иными словами, новому следствию пришлось иметь дело с несколькими версиями, каждая из которых противоречила выводам предыдущей.

Новое расследование дела по Куропатам было проведено досконально. Для того чтобы исключить версию расстрела евреев немецкими оккупантами, **Валерий Комаровский** запросил **Иерусалимский институт катастрофы и героизма европейского еврейства в годы Второй мировой войны «Яд Вашем»**, где собрана наиболее полная информация о репрессиях в отношении евреев.

Минск... Дрозды... Масюковщина... Куропаты... Цна-Иодково...

Зеленый Луг в качестве мест расстрелов еврейского населения не зафиксирован. Нет информации о расстрелах в Куропатах и в немецких архивах. Немецкие эксперты подтвердили, что метод захоронения в Куропатах не немецкий. Гитлеровцы обычно копали большие могилы — до 50–60 метров в длину, перед «акцией» жертв раздевали, забирали личные вещи, снимали золотые коронки.

Был обнаружен и «польский след». В частности, в одном из российских архивов найден приказ за подписью Л.Берии об этапировании из тюрем НКВД западных областей Беларуси в Минск 3 000 офицеров польской армии и о заочном приговоре их к расстрелу. В марте-апреле 1940 года они были доставлены в Минск, след их тут теряется... Фактически было доказано, что Катынь и Куропаты — звенья одной цепи.

Военный прокурор из Москвы полковник В. Яблоков прислал в Минск письмо-просьбу. В российских спецхранах он нашел документы, подтверждающие выделение в марте 1940 года вагонов и эвакуацию в Минск по приказу Л.Берии из тюрем Бреста, Белостока, Гродно, Картуз-Березы и других мест **3 000 арестованных поляков**. Собрал подтверждающие этот факт показания свидетелей.

Все указывало на то, что следственные дела на польских офицеров, шпионов и диверсантов, контрреволюционеров и капиталистов, попавших под действие бериевского приказа, должны храниться в архиве КГБ Беларуси, и полковник просил разрешения ознакомиться с ними. В письме он резонно замечает, что аналогичные документы в России и Украине давно рассекречены и переданы в распоряжение участников расследования «**катынского дела**», в том числе и с польской стороны. Но и на эту

аргументированную просьбу белорусские спецслужбы ответили отказом.

Во время расследования в 1988–1989 годах дела о Куропатах **генерал Э. Ширковский**, тогда **первый заместитель председателя КГБ БССР** и заместитель председателя правительственной комиссии, на все запросы следствия о местах расстрелов и участниках приведения приговоров в исполнение неизменно отвечал: *«КГБ такими сведениями не располагает»*. Потом он стал во главе ведомства, организовал хождения своих сотрудников «в народ» с рассказами о коренной переделке всех этажей **построенного Цанавой дома**, но на все вопросы о Куропатах однозначно отвечал: *«Документальных свидетельств нет»*. (4)

После исследования всех документов выносится постановление об отсутствии мотивов для возобновления следствия по Куропатам. Собранные доказательства свидетельствовали о несостоятельности предположений так называемой «общественной комиссии».

Анализ имевшихся в уголовном деле сведений позволил вновь сделать вывод, что **в лесном массиве Куропаты в 1937–1941 годах органами НКВД БССР производились массовые расстрелы граждан, обвиняемых в совершении «контрреволюционных преступлений»**.

Решение о начале нового, четвертого, следствия в 1998 году было как гром среди ясного неба. На этот раз расследование было поручено **старшему помощнику военного прокурора Республики Виктору Сомову**. И снова была проведена проверка доказательств, собранных в ходе предыдущих следствий, работа по уже известным версиям. Не обошлось и без маленькой сенсации: в ходе расследования «общественная комиссия» предъявила «свидетеля», который якобы своими глазами видел, как расстрелы в Куропатах проводили немцы, а не НКВД. В ходе следствия выяснилось, что «свидетель» даже незнаком с местностью, о которой шла речь.

В ходе последнего следствия впервые было обнаружено самое большое из всех найденных в Куропатах захоронений, в котором содержались останки более 300 человек (обычно в ямах находилось до 100 останков). Следствие преподнесло еще одну сенсацию — впервые за всю историю раскопок в Куропатах были найдены вещественные доказательства с конкретными датами и фамилиями, свидетельствовавшие о том, что расстрелы проходили до начала войны. В захоронении №30 были обнаружены тюремные квитанции об изъятии при аресте ценностей, выданные **10 июня 1940 года Мовше Крамеру и Мордыхаю Шулескесу**, т.е. за год до оккупации Минска.

94% стреляных гильз, найденных в Куропатах, — от револьверов системы **«Наган»**. Кроме того, было найдено несколько стреляных гильз от пистолетов систем **«Браунинг»** и **«Вальтер»**, что также дало возможность сторонникам «немецкого следа» еще раз заявить о правомерности своей версии. Однако надо заметить, что оружие этих систем выпускалось задолго до 1941 года, **и нередко именно таким оружием награждался руководящий состав НКВД. Кроме того, имеются данные, что пистолеты, в том числе этих систем, были штатным оружием ряда сотрудников НКВД.**

Привыкший доверять официальным бумагам, но и по возможности проверять их, следователь прокуратуры республики, к сожалению, покойный ныне **Валерий Комаровский**, которому поручено было продолжить изучение «куропатского дела», отправился, в **архив Федеральной службы безопасности в Москве** и с помощью российских коллег отыскал копии документов, направленных некогда из Минска в центр. **В них названы фамилии бойцов, стрелявших в затылок. Показательно, что большинство зафиксированных в актах фамилий упоминалось бывшими сотрудниками НКВД на допросах во время первого следствия.**

Имена палачей, которые стреляли в затылки наших сограждан, установленные в ходе следствия:

сотрудники комендатуры НКВД БССР Никитин, Ермаков, Коба, Яковлев, Острейко, Дубровский, Бочков, Батян, Абрамчик, Мигно.

Это далеко не полный список уничтоживших тысячи ни в чем не повинных людей...

В поисках «польского следа»

Ошибочно утверждать, что весной 1940 г. в Минске жертвами сталинских репрессий были лишь **«польские офицеры»**. Безусловно, советские специальные органы обращали значительное внимание на польских военных, полицейских и государственных служащих. Вместе с тем в поле зрения НКВД попадали и другие категории польских граждан, **прежде всего интеллигенция.**

Игорь Мельников в своей статье приводит лишь несколько примеров того, кто весной 1940 г. содержался в Минских тюрьмах НКВД и мог оказаться в печально известном расстрельном **Белорусском катынском списке**. В сентябре 1939 г. в Волковыске был арестован **владелец поместья Горностаевичи Генрик Бутовт-Анджейкович**. Сначала его держали в тюрьме в Волковыске, а весной 1940-го этапировали в Минск. Следы этого человека теряются в столице БССР.

13 декабря 1939 г. в Бресте был арестован врач, хирург, бывший комендант окружного госпиталя в Бресте, **полковник резерва Войска Польского, владелец фольварка Перавилки в Брестском уезде Леонард Шмурло**. До марта 1940-го этот человек содержался в брестской тюрьме, а затем был переведен в Минск.

Похожая судьба была и у **Мариана Коваличко**. До сентября 1939 г. он вместе с супругой Юлией и дочерью Марией жил в **фольварке Чучевичи Лунинецкого уезда Полесского воеводства**. Учитель по образованию, в 1930-х годах Коваличко работал в органах местного самоуправления. Во время мобилизации в конце августа 1939 г. Коваличко поступил на службу в Корпус пограничной охраны и был направлен в батальон «Лунинец», который входил в состав оперативной бригады «Полесье». С первых дней войны с гитлеровской Германией большинство подразделений **Войска Польского**, дислоцировавшихся в восточных воеводствах Польши, были переброшены на западный театр военных действий. В одном из боев с частями Вермахта Мариан попал в немецкий плен, однако ему удалось бежать и вернуться домой. К тому времени Западная Белоруссия уже стала советской. В октябре 1939 г. Мариан получил повестку из районного отдела НКВД в Лунинце, в которой ему предписывалось незамедлительно явиться в это учреждение для

постановки на учет. Добровольно пришедшего человека сразу же арестовали и вскоре отправили в распоряжение Минского НКВД. Этот трагический список можно продолжать дальше, но и так становится понятно, что весной 1940 г. в минских тюрьмах НКВД оказались различные категории граждане **Второй Речи Посполитой**.

Протокол встречи сотрудников польской прокуратуры с их белорусскими коллегами в 1994 г. также свидетельствует о том, что в Куропатах, по всей вероятности, **расстреливали польских военнослужащих**. В документе, в частности, подчеркивалось, что в урочище Куропаты были найдены **пуговицы от белья, которое использовалось в армии Второй Речи Посполитой**.

О том, что поляков скорее всего расстреливали в расположенных под Минском Куропатах, свидетельствовали и сами сотрудники НКВД.

Из показаний бывшего тюремного надзирателя А.Знака:

«В 1939 г. меня назначили начальником склада. Я принимал вещи у задержанных, а потом отдавал их, когда арестованных выводили. Я знал, что сотрудники комендатуры расстреливали заключенных. Они сами этого не скрывали. Но не говорили, кого и куда возят. Однажды один из сотрудников комендатуры подвыпил и рассказал, что расстреливают в основном «западников» в лесу за городом, недалеко от дороги на Логойск».

Из свидетельства надзирателя внутренней тюрьмы НКВД И.Кмита:

«Приговоры приводили в исполнение сотрудники комендатуры НКВД. Иногда, когда «пациентов» было очень много, сотрудникам комендатуры в помощь давали людей из других отделов». (б)

По мнению **Евгения Горелика (4)**, военный прокурор **В. Сомов**, который вел последнее расследование, немало времени и внимания отдал именно этой проблеме.

Конечно же, **репрессии в Беларуси**, как и на всем советском пространстве, разыгрывались по единому всесоюзному сценарию, но были в них и свои особенности. Одна из них — близость государственной границы. Это обстоятельство сполна было использовано для нагнетания в республике **атмосферы шпиономании**, для кровавых расправ над многими простыми людьми, чья «вина» состояла только в том, что их родила польская мать или в Польше у них жили родственники или просто знакомые.

Из материалов **партийного архива Института истории партии при ЦК КПБ**, куда **Горелик** в свое время имел доступ:

из докладной записки в ЦК КП(б)Б наркома внутренних дел БССР Б. Бермана, октябрь 1937 г., дословно:

«Значительная часть населения хуторов, в особенности в приграничной полосе, засорена кулацким и антисоветским элементом. Подавляющее число лиц, живущих в приграничных районах, связаны с родственниками в Польше. По данным выборочного обследования, из 154 хуторских дворов, расположенных в 7-километровой пограничной полосе Заславского, Минского и Узденского районов, 75 дворов, т. е. 50 %, имеют связь с родственниками в Польше. В отношении 118 дворов есть данные, что их жители представляют контрреволюционный актив, организующий антиколхозную работу».

В Копыльском районе из 206 хуторов пограничной зоны 88 поддерживают родственные связи с поляками, в отношении 141 двора есть данные об антисоветской работе. В Старобинском районе из 175 хуторских усадеб более половины имеют связь с Польшей, а 140 находятся под наблюдением как антисоветские элементы.

Таким образом, хутора служат прочной и широкой базой для работы польских разведывательных органов, для диверсионно-шпионской резидентуры и повстанческих организаций, руководимых польской разведкой».

Дословно: «Секретарю ЦК КП(б)Б тов. А. Волкову. Совершенно секретно. Доношу, что на Борисовском лесокомбинате «Коминтерн» нами вскрыта польская контрреволюционная диверсионная шпионская организация. Установлено, что ее возглавляет директор комбината Федор Блоцкий, уроженец Гродненской области (Польша). В свою антисоветскую организацию он вовлек всех специалистов и рабочих польской национальности или имеющих в Польше родственников. Прошу Вашего согласия на аресты. 3 января 1938 г.»

И благословение А. Волкова: «Арестовать!»

Из оперативной сводки НКВД от 6 августа 1937 г.:

«...на многих стратегически важных участках всех отраслей народного хозяйства республики органами НКВД выявлены **поляки**. Так, например, в пожарной охране минских предприятий их 68 человек, на железнодорожном узле станции Минск — 58, на заводе имени Ворошилова — 42, на почте и телеграфе — 27 человек. На железнодорожной станции Витебск зафиксировано 179 поляков, на Витебской фабрике имени КИМ — 194, на фабрике «Знамя индустриализации» — 126 человек, в Борисове на стекольном заводе — 122, на Бобруйском мясокомбинате — 132, в Гомеле на железнодорожной станции — 63 поляка... эти люди, безусловно, являются базой для диверсионной работы «польской организации войсковой» и представляют серьезную опасность с точки зрения обороны».

Напомним, что активный поиск польских шпионов и контрреволюционных элементов начался после **программной речи И. Сталина на мартовском пленуме ЦК ВКП (б)**, где он заявил, что «...вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств... задела в той или иной степени все или почти все наши организации — как хозяйственные, так и административные, и партийные».

Спустя несколько месяцев было принято **постановление политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах»**, в котором предлагалось немедленно **взять на учет «зачинщиков всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений», наиболее враждебных из них арестовать и расстрелять, менее активных переписать и выслать «в районы по указанию НКВД».** Не заставил себя ждать и оперативный **приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н. Ежова за № 00485**, в котором впервые **в карательной практике НКВД** объект преследования был определен **не по социальному — кулак, помещик, царский офицер или политическому — меньшевик, троцкист, нацдем,**

а по национальному признаку. Потом этот эксперимент будет успешно распространен с отдельных представителей нации на целые народы, например, **на чеченцев, ингушей, крымских татар, поволжских немцев.** А пока предписывалось начиная **с 20 августа 1937 года** спешно, за три месяца полностью **уничтожить польскую разведку**, которая **«много лет вела на территории Союза безнаказанную диверсионно-шпионскую работу».**

Сегодня ни для кого уже не является секретом, что арестовывали, как правило, группами, очень часто семьями. Достаточно было в заявке на арест употребить слова **«поляк»** либо **«польский».**

Евгений Горелик приводит пример одной небольшой деревни под Минском, в которой ему довелось родиться. Называется она **Королищевичи** и родословную свою ведет, как считают историки, **с XVI века.**

В XIX веке в деревне появился **помещик пан Бронислав Прушинский**, возвел на самом красивом и видном месте огромный **«маёнтак»**, открыл для просвещения своих подданных **польскую школу**, всемерно поддерживал **костел.** После революции «маёнтак» был экспроприирован, панское добро разворовано, **а костел уцелел, и польская речь звучала в нем до осени 1940 года.**

Аресты местных жителей начались еще осенью 1930 года, когда в хате своего отца Павла Плащинского **сотрудниками ОГПУ** был взят после долгих поисков молодой и, как отмечали критики, очень **талантливый поэт Иосиф Плащинский**, стремительно ворвавшийся в белорусскую литературу под псевдонимом **Язэп Пушча.** Ко времени ареста ему исполнилось **27 лет**, он окончил **литературный факультет Ленинградского университета**, опубликовал 4 поэтических сборника, его стихи и поэмы регулярно появлялись на страницах газет и журналов.

Я. Пушчу объявили ярим националистом, приписали к мифическому, как сейчас выяснилось, состряпанному в кабинетах ОГПУ, **«Саюзу вызвалення Беларусі»** и вместе с **96 другими литераторами, учеными, руководителями наркоматов республики приговорили к пяти годам высылки в Курганскую область, но срок этот потом растянулся почти на три десятилетия.**

Но массовые репрессии, когда **«черный ворон»** появлялся на деревенской улице несколько раз в месяц, пришлось на **конец 1930-х годов. Польских шпионов местного «розлива»** находили и в сельских хатах, и на минских улицах, куда молодые люди в поисках заработка перебирались из полуголодных, **доведенных до крайней бедности Королищевичей.**

В начале октября был **обвинен в шпионаже в пользу Польши и расстрелян в Минске Викентий Станилевич — столяр деревообрабатывающего завода.**

1 ноября **постановлением НКВД СССР и Прокуратуры СССР** к высшей мере наказания приговорен **«участник контрреволюционной**

организации «польска организация войскова» и через три дня расстрелян Кароль Воробей — заведующий почтовым отделением. Ревизор сберегательных касс Павел Плащинский причислен к этой же повстанческой организации 5 ноября и **расстрелян через четыре дня. Кузнец Иосиф Асипович за те же «грехи» казнен в феврале 1938 года.** Старожилы деревни по просьбе Горелика припомнили имена 28 арестованных в 1937–1938 годах земляков, считай, из каждой третьей хаты, так никогда больше не вернувшихся домой.

Жестоко прорежен был в эти годы приграничный Дзержинский район, официально считавшийся «польским». По подсчетам краеведов, почти в половине семей **чекисты тогда обнаружили и успешно обезвредили притаившихся до времени «матерых шпионов, диверсантов и контрабандистов».**

Не миновала чаша сия и **секретаря райкома партии К. Домбровского**, которого по предложению прибывшего в Минск тогдашнего **заведующего отделом ЦК ВКП(б) Г.Маленкова** исключили из партии прямо на пленуме ЦК КП(б)Б, арестовали при выходе из зала и через несколько недель расстреляли.

Мой отец был выходцем из юго-западной Беларуси, он родился в 1928 году в д.Осовцы Дрогичинского района Пинской области. Эта территория до 1939 года принадлежала полякам. Его родители были середняками. До 39 года в деревне были мелкие перерабатывающие заводы по производству масла, молока и колбас, тканей, население жило хорошо. С приходом советской власти у деда забрали коня и ему приходилось много раз бить поклоны, пока ему давали лошадь для перевозки сена. В деревне был свой диалект – немного польский, немного украинский и немного белорусский, - вероятно, так происходит на территории, которая граничит с 3 мя странами – до границы с Польшей и Украиной было рукой подать. До 39 го года в школах обучали польскому языку и мой отец знал его. Дед был участником 1 мировой войны и по контузии получал прибавку к пенсии.

По достижении 16 летнего возраста, 15 января 1944 года, отец вступил в партизанский отряд имени Калинина Пинского соединения, где находился по 25 июля 1944 года. После освобождения Красной Армией территории, перспектив для работы было немного и, вероятно, по этой причине молодежь, и мой отец в том числе, в послевоенные годы двинулись в районный центр. В районном центре, в г.Дрогичин, отец поступил в РайФо (Районный Финансовый Отдел) на должность старшего налогового инспектора, одновременно заканчивая среднюю школу, учеба в которой была прервана войной. В 1946 году окончил в г.Пинске годичную партийную школу и поступил в Гидротехнический техникум, закончив его в 1949 году, получив специальность «техник-агроном мелиоратор» и был направлен на работу в организацию «ПолесьеМелиоПроект» начальником изыскательного отряда. В том же году поступил в Могилевскую школу МГБ БССР, которую закончил в 1951 году и был принят в МГБ БССР в г.Минске на должность оперуполномоченного. 6 августа 1953 года был уволен из МГБ БССР по сокращению штатов и поступил на исторический факультет Московского Университета имени М.В.Ломоносова, который закончил в 1958 году. 09 августа 1958 года был зачислен в кадры КГБ при СМ СССР на должность

оперуполномоченного. 6 месяцев спустя, 06 февраля 1959 года, был освобожден от занимаемой должности и 16 марта того же года был уволен из КГБ при СМ СССР по личной просьбе. Отцу был 31 год. Мне 3 года. Через год родилась сестра.

В донесении об итогах продолжавшейся с августа 1937 года по сентябрь 1938-го польской операции указано, что всего было арестовано польских шпионов, диверсантов и участников повстанческих организаций — 21407 человек.

Вторая, еще более мощная волна репрессий с польским акцентом совпадает с «освободительным» походом Красной Армии в западные области Белоруссии и последовавшей за ним жестокой чисткой городов и сел от «контрреволюционного элемента». Из опубликованной **докладной записки Л. Берии И. Сталину** известна общая цифра содержащихся в марте 1940 года в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии заключенных — 18 632 человека. В основном это — перебежчики, бывшие полицейские, разведчики и жандармы, члены различных партий и организаций, бывшие помещики, фабриканты и чиновники. Учитывая, что **«все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами Советской власти», НКВД предлагает поручить ему дела 11 тысяч узников «рассмотреть в особом порядке, с применением высшей меры наказания — расстрела». И получает единодушное «добро» руководства страны.**

К сожалению, точное число казненных весной 1940 года узников тюрем западных районов Беларуси до сих пор официально не названо. Белорусские власти так и не решились последовать примеру России и Украины и **передать польской стороне поименные списки всех расстрелянных тогда жителей этой страны, которых по приказу Л. Берии от 22 марта доставили в Минск.** Не исключено, что в ходе последнего следствия по «**куропатскому делу**» этот факт истории Беларуси тщательно исследован, но результаты поиска следователей все еще скрывают от общественности. А ведь в этом факте может быть один из главных ключей к разгадке тайн куропатских могил, в которых так много иностранных вещей. **(4).**

На сегодняшний день дело о Куропатах насчитывает более 15 томов. И все эти материалы лишь подтверждают версию, согласно которой **расстрелы проводились сотрудниками НКВД.**

Россия, Казахстан, Украина, страны Балтии и другие бывшие советские республики увековечили память невинных жертв сталинских репрессий. Хотелось бы, чтобы и Беларусь сделала это в отношении репрессированных граждан в урочище Куропаты.

По общему количеству репрессированных в Беларуси официальной статистики нет. Единственным используемым в официальных отчетах источником является книга **Владимира Адамушко "Палітычныя рэпрэсіі 20-50-х гадоў у Беларусі".**

Количество жертв, **репрессированных в урочище Куропаты**, на сегодняшний день остается точно неизвестным и, в соответствии с разными оценками, может составлять:

до 7 тысяч человек (по данным, озвученным Генеральным прокурором Республики Беларусь О. Бажелко;
не менее 30 тысяч человек (по данным, озвученным Генеральным прокурором БССР Г. Тарнавским);
до 100 тысяч человек (в соответствии со справочником «Беларусь»),
от 102 до 250 тысяч человек (по данным статьи Зенона Позняка в газете «Літаратура і мастацтва»);
250 тысяч человек (по данным профессора Вроцлавского Университета Здислава Винницкого);
и более (по данным британского историка Нормана Дэвиса).
Как сообщил глава **Белорусского отделения "Мемориала" историк Игорь Кузнецов**, в годы советского тоталитаризма расстрелы мирных жителей проводились в 48 населенных пунктах Беларуси, известно более 120 мест массовых расстрелов. По полуофициальным данным, в Беларуси репрессировано около 600 тысяч человек — 250 тысяч по линии судебных и несудебных органов и 350 тысяч в административном порядке. По уточненным данным, которые привел Кузнецов, в Беларуси было репрессировано в 1930—40-х годах от **1.430.000 до 1.625.000 человек**. На территории Беларуси было расстреляно не менее **377 000 человек**, сообщил Кузнецов. Большая их часть уничтожены в Минске и окрестностях. Около 40 000 расстреляно в Могилевской, 41 000 — в Гомельской, 36 000 — в Витебской, около 28 000 — в Минской, 11 000 — в Гродненской и 8 000 — в Брестской области. **(8)**

С 1993 года урочище Куропаты внесено в **Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь как место захоронения жертв политических репрессий 1930—1940-х годов. Куропаты имеют статус историко-культурной ценности первой категории**, что в соответствии с **Законом Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия»** соответствует категории «наиболее уникальных, духовные, эстетические и документальные ценности которых представляют международный интерес». **(5)**.

По мнению историка **Зенона Позняка**, значимость открытия правды о Куропатах для Беларуси в том, что это стало **«неопровержимой уликой геноцида, который проводил над белорусским народом российский оккупант, прикрываясь коммунизмом, как социальной формой и идеологией террора, как методом оправдания убийства людей»**. **(9)**.

В урочище Куропаты, благодаря евреям Беларуси, были открыты **два мемориальных знака жертвам сталинизма**: обелиск из красно-серого гранита, на котором изображен **щит Давида**, означающий женское и мужское начало, а также иудейский семисвечник менора, символизирующий свет, веру и надежду, которые в течение нескольких тысяч лет страданий вели еврейский народ к мечте о достижении справедливости между людьми и нациями в целом.

На обелиске выбит текст: **"Нашым адзінаверцам-іўдзеям, братам па Кнізе - хрысціянам і мусульманам - ахвярам сталінізму ад беларускіх габрэяў"**. Ниже этот текст повторяется и на идиш.

По инициативе членов секции **"Мемориал" 29 октября** отмечается в национальном календаре как **День памяти жертв политических**

репрессий в Беларуси. "Эта дата символична именно для белорусов, потому что именно **в ночь с 28 на 29 октября 1937 года в Минске было расстреляно более ста видных представителей белорусской интеллигенции:** писателей, представителей сферы науки и образования, наркомов", - отметил в интервью БелаПАН **историк Игорь Кузнецов.**

Есть в лесу пригорок, обустроенный камнями с написанными на них сокровенными иконами. Их автором является **Анатолий Алексеевич Кузнецов. Художник-иконописец минского Свято-Воскресенского православного прихода** Анатолий Кузнецов видит готовое изображение на камне и поэтому и творчество свое называет скорей **сотворчеством**, так как оттеняет краской то, что уже создано до него природой.

Первый свой **камень-икону** Анатолий Алексеевич нашел в Куропатах. На нем он увидел **образ преподобного Серафима Саровского.** Он-то и положил начало экспозиции, которую теперь можно увидеть на территории мемориального комплекса "Куропаты" - 44 валуна с изображениями святых.
(7)

Увидеть работы Анатолия Кузнецова можно в Куропатах - **на братских могилах и в музее под открытым небом, расположенном у стен храма Воскресения Христова**, что на пересечении ул. Мирошниченко и ул. Гамарника. *Улице Гамарника, где свои последние 37 лет жизни прожил мой официально «сумасшедший» отец, историк с высшим образованием московского Университета им. Ломоносова, всю жизнь проработавший простым рабочим и живший в нищете и лишениях, потому что не захотел «служить» партии убийц.*

Эпизод 18. Реабилитация.

В конце жизни отец обратился к церкви. Он получал какие-то письма, ездил на заседания. Моя мать и тут смеялась над ним – заносчивая, она могла одной фразой размазать по полу уже и так уничтоженного человека. После перестройки начали восстанавливать церкви и на нашей улице Гамарника прихожане на свои средства начали возводить церковь. Отец не дожил до ее открытия.

Каждая человеческая жизнь должна иметь высокий смысл жизни. Человеческая душа скрывает много черных сторон, иначе невозможно объяснить ненависть, зависть, скупость, нетерпимость, преобладание материализма над духовным началом. Все больше проявляется тенденция неразделения идей сотрудничества, коллективизма, свободы мысли и информации.

С созданием интернета, информационная ноосфера глобального коллективного сознания, о чем мечтал еще в 1925 году академик Вернадский, создала сети не только положительного человеческого сознания, но приняла также негативные формы мирового технологического контроля. Общество становится все более высоко технологичным, рискуя умалить внимание к природе, окружающей среде и внутреннему миру человека. Общество рискует милитаризовать, роботизировать человека, превратить его в зомби, умалив ту эмоциональную и спиритуальную сферу, которая влюбляется, рисует, создает стихи, музыку, толкает на добрые и благородные дела.

Или толкает не делать определенные негативные действия.
Так этот выбор становится Судьбой. Или Не-Судьбой.
Ни одна мать, ни один отец не желал бы для своего ребенка судьбы убийцы,
наркопродавца или торговли телом.
Все родители жаждут для своих детей счастливого будущего.
Но дети становятся убийцами, наркопродавцами и проститутца как
заработок известна в течение 2000 лет...
Так выбирается судьба. Выбирается между добром и злом.
Зло это как черная дверь в старом замке, которая должна быть всегда
заперта.
На какой стадии собственной жизни выросшие дети становятся убийцами,
наркопродавцами или начинают продавать собственное тело?
В каком состоянии собственной души открывают они эту черную дверь
старого замка, которая должна быть навсегда запертой на тысячу замков?
Неправда, что деньги не пахнут. Не могут не иметь запаха деньги,
заработанные, поставив в зависимость от наркотиков 20 летнюю
девушку...
Не могут не иметь запаха деньги, заработанные на смерти от овер дозы 20
летнего юноши....
Не могут не иметь запаха деньги, заработанные на болезнях тех, кто
живет на загрязненных землях, в которые были закопаны промышленные
канцерогенные отходы...
На какой стадии собственной жизни наши маленькие сладкие выросшие
детки забывают об универсальных ценностях «не убей, не укради, не
завидуй, не обговаривай ближнего...?»
Ни один ребенок в мире не рождается с желанием убить другого.
Общество должно бы серьезно задуматься как организовать обучение
универсальным моральным и этическим ценностям в школах.
Это признак продолжающейся до настоящего времени деградации общества,
если до сих пор существуют системы репрессии людей, сделавших свой
выбор не работать для системы, скомпрометировавшей себя геноцидом
гражданского населения.
Выбор, ценой которого стала раздавленная Судьба.
Исковерканная, сломленная, загнанная в клетку.
Я раскопала почти 80 лет истории, чтобы год за годом понять причины
такой судьбы моего отца.
Какова была бы его судьба, не будучи он репрессированным?
Какой была бы моя судьба, если бы у моего отца не было сфабрикованных
медицинских документов?
Возможно, он стал бы ученым или директором школы или простым
учителем истории, а возможно даже представителем ООН по правам
человека...
Однако почти сразу почти окончания университета 30-летнему
специалисту было разрешено работать только в должности рабочего на
заводе по производству часов, на всю оставшуюся жизнь.
Рабочий с дипломом факультета истории наиболее престижного
университета имени Ломоносова в Москве. Отца контролировали, сделали
невыездным, его умственные способности были официально
скомпрометированы, ему был выдан так называемый «белый билет».
За то, что он имеет храбрость разоблачить ужасы системы КГБ.

Почти 50 лет молчания.

Нельзя вернуть самое дорогое, что есть у человека – его жизнь.

Судьба у моего отца могла быть совсем другой. И сейчас, когда уже 7 лет как отца нет в живых, его честное имя должно быть реабилитировано.

Моему отцу должно быть возвращено то, что у него было отнято:

его честное, доброе имя, его достоинство, его ум.

Мой отец смотрел из окна нашей квартиры по улице Гамарника на 4 м этаже и видел холм, за которым была деревня Цнянка и лес, в котором в 1937 году НКВД (бывшее название КГБ) расстреляло от 30 000 до 100 000 гражданских лиц, белорусов, поляков и литовцев. Смотрел без возможности рассказать об этом ужасе миру.

Только в 1988 году, 50 лет спустя после геноцида, мир узнал о Куропатах.

Я прошла мой путь длиной больше 45 лет, чтобы взойти на этот Эверест.

Мне было 12, когда я, незащищенная девочка, стеснялась моего отца.

Девочка выросла и стала сильной, чтобы защитить честное имя своего отца и вернуть ему его достоинство.

Я взойшла на его Эверест и поставила флаг в его честь и в честь всех людей в мире, подвергшихся репрессиям в тоталитарных государствах.

Это было моим долгом моему отцу.

Долгом моей совести.

Во имя Отца и Сына.

Третье тысячелетие должно стать периодом очищения человечества от оков тоталитаризма, против гонения инакомыслящих, борьбы за свободу личности, волеизъявления, за права человека, против всяческого насилия, одобренного тоталитарным государством, против расовых различий, за свободу совести.

Фото Воложинского В.Г., 31 июля 2009 года.

Библиографія:

1. Игорь КУЗНЕЦОВ, Куропатское дело: 20 лет спустя, 21 июня 2008, БелГазета
2. Пазыняк, Шмыгалев, "Літаратура і мастацтва", "Шумят над могилой сосны", 16 сентября 1988 г.
3. Пазыняк, Шмыгалев, "Літаратура і мастацтва", "Курапаты - дарога смерці", 3 июня 1988 г.
4. Евгений Горелик, «БДГ», Пляски вокруг куропатских могил, 12/06/2002.
5. www.ru.wikipedia.org-куропаты.
6. Игорь Мельников, **КУРОПАТЫ — ОБЩАЯ БОЛЬ ПОЛЯКОВ И БЕЛОРУСОВ**
<http://www.novpol.ru/index.php?id=1832>, 03/2013
7. www.minsk-old-new.com
8. Историк Игорь Кузнецов: По уточненным данным, в Беларуси в 1930-1940-х годах было репрессировано до 1 миллиона 625 тысяч человек, www.news.tut.by/society/372431, 28 октября 2013.
9. 20 лет назад мир узнал о массовых расстрелах в белорусских Куропатах, 3 чэрвеня 2008, www.represii-by.info
10. Выписка из центрального архива КГБ РБ, дело № Е-049523.